

Финальная книга цикла «Разрушь меня»!

ВООБРАЗИ МЕНЯ

ТАХИРА МАФИ

Разрушь меня

Тахира Мафи
Вообрази меня

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Мафи Т.

Вообрази меня / Т. Мафи — «Издательство АСТ»,
2020 — (Разрушь меня)

ISBN 978-5-17-133483-3

Джульетта Феррарс. Элла Соммерс. Кто из них настоящая, а кто – лишь плод чужого воображения? Теперь, когда Элла знает всю правду о Джульетте и о том, с какими целями она была создана, все становится еще сложнее. Девушка борется с демонами прошлого, пытается принять себя и шагнуть в будущее, однако границы между добром и злом постепенно размываются. И судьба Эллы может оказаться в руках ее заклятого врага... А между тем час последней битвы с Оздоровлением все ближе. Сможет ли она выбрать, на чьей стороне сражаться? Бонус! Читайте также «Найди меня» – рассказ, написанный от лица Кенджи и повествующий о первых днях пребывания Джульетты и ее друзей в Прибежище.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-133483-3

© Мафи Т., 2020

© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Найди меня	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	18
Глава 5	19
Глава 6	24
Глава 7	27
Глава 8	32
Глава 9	35
Глава 10	38
Глава 11	41
Глава 12	44
Вообрази меня	46
Элла	46
Кенджи	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Тахира Мафи

Вообрази меня (сборник)

Tahereh Mafi

REVEAL ME

IMAGINE ME

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Writers House LLC и Synopsis.

© Tahereh Mafi, 2020

Школа перевода В. Баканова, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

* * *

Серия книг Тахиры Марфи «Разрушь меня» взорвала Интернет. О ней говорят и спорят во всем мире. Первый роман цикла «Разрушь меня» был опубликован на 20 языках, а права на экранизацию приобрела компания «ABC Signature Studios».

Найди меня

Глава 1

Я потерял аппетит.

По-моему, такое со мной впервые.

Сижу, разглядываю знатный кусок торта и почему-то не могу его съесть. Даже подташнивает.

Продолжаю тыкать в торт вилкой, каждый раз чуть сильнее, кусок почти развалился, а глазурь изрубцована. Изуродована. Я не хотел калечить несчастный кусок торта (портить еду – совсем уж уголовщина), однако в легком сопротивлении ванильного бисквита, как и в моем повторяющемся действии, есть что-то успокаивающее.

Я провожу рукой по лицу.

Деньки выдались кошмарные. Хуже, чем раньше. Потери большие. Ночи поганые. Словно разверзшийся ад открывает все новые перспективы.

Напряжение сковывает плечи и порождает тупую пульсирующую боль, которая расходится по всей спине. Пытаюсь эту боль продышать, потянуть мышцы и убрать зажим... Бесплезно. Не знаю, сколько я здесь просидел, сгорбившись над недоеденным куском торта. Наверное, не один час.

Оглядываю полупустую столовую. Это комната? Или палатка?

Точно, палатка.

Потом смотрю на длинные побеленные деревянные балки, поддерживающие потолок. Или все-таки пристройка? Снаружи все затянуто кремовой парусиной, внутри же это отдельно стоящее здание с крепкими стенами. Зачем заморачиваться с навесами? Надеюсь, у них есть какой-то функционал, иначе не вижу смысла. Убранство скромное. Столы из необработанных досок, которые отполировало время. Простенькие стулья, тоже из дерева. Очень примитивные. Хотя миленькие. Здесь все довольно миленькое. Явно поновее, почище и посветлее, чем в «Омеге пойнт». Модный такой лагерь.

Прибежище.

Я снова втыкаю в торт вилку. Уже поздно – далеко за полночь, – и причины находиться здесь с каждой минутой теряют свою убедительность. Почти все отсюда сваливают: чиркают ножками стулья, шаркают ноги, открываются и закрываются двери. Уорнер с Джульеттой (или Эллой? Никак не привыкну...) где-то спрятались. Она, наверное, пытается в него впахнуть его собственный, по случаю дня рождения, торт. Хотя, быть может, он ест добровольно. Ну и ладно. Когда я начинаю себя чрезмерно жалеть, то ненавижу его капельку сильнее, чем обычно.

Зажмуриваюсь, крепко-крепко. Как чертовски я устал!

Знаю, надо пойти и поспать, да не хочу менять теплое мерцание этой комнаты на холодное одиночество своей палатки. Здесь светло. Сразу ясно, что Нурии – дочери Касла и главе сопротивления – очень нравится свет. Ее конек. Ее сила. И свет тут везде. По всему потолку развешаны гирлянды. Стены и дверные проемы обрамляют фонари. У одной из стен расположен массивный камин, в котором теплится пламя. Очень уютно.

А еще пахнет выпечкой.

Годами я только и делал, что жаловался: мол, приходится делить с кем-то свое личное пространство. Теперь, когда оно у меня есть – крохотный отдельно стоящий домик, – мне это пространство не нужно. Я тоскую по тем общественным зонам, что были и в «Омеге пойнт», и в Секторе 45. Мне нравилось, открывая дверь, видеть друзей. Нравилось слышать их идиотские, бесцеремонные голоса, когда я пытался заснуть.

Итак.

Я все еще здесь.

И не готов быть один.

Наоборот, я просидел всю ночь, наблюдая, как люди делятся по парочкам и уходят. Лили и Иан. Брендан и Уинстон. Соня и Сара. Нурия и ее жена Сэм. Плетущийся следом Касл.

Все с улыбками.

Похоже, у них есть надежда. Они смогли выдохнуть. Смогли порадоваться нашему спасению, редким прекрасным мгновениям в столь кровопролитные времена. Мне же, наоборот, хочется завывать.

Я роняю вилку, вдавливаю ладони в глаза. Ощущение безысходности растет уже несколько часов и, похоже, наконец-то достигает своего апогея. Я это чувствую, чувствую, как руки безысходности сжимаются вокруг моего горла.

Злость берет.

Почему страшно только мне? Почему только у меня в животе нервы сплелись в ноющий клубок? Почему только у меня возникает один и тот же вопрос, снова и снова, и снова?

Где, черт возьми, Адам и Джеймс?

Когда мы наконец добрались до Прибежища, нас встретили фанфарами, люди радовались, они были воодушевлены. Все вели себя так, словно воссоединилась большая, дружная семья, словно появилась надежда на будущее, словно у нас все будет хорошо...

Похоже, никого не заботило, что Адам и Джеймс пропали.

Только я пересчитал всех наших. Только я осматривал комнату, встречался глазами с незнакомыми мне людьми, вглядывался во все углы и задавал вопросы. Очевидно, только мне не казалось нормальным потерять двух товарищей.

– Он не захотел с нами, чувак. Сам знаешь.

Вот.

Вот какое бредовое объяснение еще раньше пытался впарить мне Иан.

– Кент сказал, что больше не станет переезжать. Прямо заявил, чтобы мы на него не рассчитывали, и ты, кстати, в это время сидел рядом. – Иан, прищурившись, внимательно на меня посмотрел. – Не надо обманываться. Адам захотел остаться в стороне, остаться с Джеймсом, поторговаться за неприкосновенность. Ты сам все слышал. Так что не заикливайся.

Я продолжал гнуть свое – здесь какая-то ошибка. Не уставал повторять: *здесь что-то не так*, а Касл не уставал терпеливо втолковывать мне – словно душевнобольному, – что за Джеймсом присматривает Адам, что это не мое дело, что не важно, как сильно я люблю этого мальчика, не мне выбирать его судьбу.

Видимо, все позабыли, что Адам выдвинул идиотскую идею о неприкосновенности еще до того, как мы узнали, что Андерсон не умер. До того, как Делалье рассказал, что у Андерсона имелись планы на Адама с Джеймсом. Это было до того как Андерсон ожил, убил Делалье, а мы все попали в психушку.

Здесь что-то не так.

Ни на секунду не поверю, что Адам захотел бы остаться в Секторе 45 – и поставить жизнь Джеймса под удар, – если бы знал, что туда прибудет Андерсон. Адам, конечно, тот еще болван, однако всю свою жизнь пытался защитить этого десятилетнего мальчонку от их отца. Он скорее умер бы, чем позволил Джеймсу находиться рядом с Андерсоном – особенно когда услышал, что у последнего на их счет весьма мутные планы. Адам никогда бы так не поступил. Не стал бы рисковать. Я знаю. Всем сердцем чувствую.

Никто не хотел меня слушать.

– Эй, чувак, – тихо сказал Уинстон. – Ты за Джеймса не в ответе. Что бы ни произошло, это не твоя вина. А нам надо двигаться дальше.

Складывалось ощущение, что я говорю на другом языке. Кричу в стену. По общему мнению, я слишком остро реагирую на ситуацию. Излишне эмоционально.

В конце концов Касл перестал отвечать на мои вопросы. Зато принялся постоянно вздыхать. Как вздыхал, когда в мои двенадцать лет я прятал в спальне бродячих собак. Вчера вечером, перед тем как пойти спать, он одарил меня красноречивым взглядом; ясно было, что ему меня жаль.

Даже Брендан, добрый, сердобольный Брендан, покачав головой, сказал:

– Адам сделал свой выбор. Нам тяжело их терять, Кенджи, но надо отпустить ситуацию. К черту!

Поднимаю взгляд, пытаюсь сосредоточиться на остатках гигантского именинного торта Уорнера. Он высится на столе в центре комнаты, никто за ним не смотрит, и меня внезапно пронзает желание ударить по нему кулаком. Пальцы снова крепко сжимают вилку – непроизвольный порыв, анализировать который я не собираюсь.

Мы празднуем день рождения Уорнера, и я ничуть не злюсь по этому поводу. Честно, ни капельки. Все здорово, я все понимаю, у парня никогда не было дня рождения. Просто сейчас я не в настроении праздновать. Сейчас я бы хотел долбануть по этому гадскому гигантскому пирожному и швырнуть его об стену. Снова поднять его и швырнуть об стену, а потом...

По позвоночнику вверх бежит волнующее тепло, и я замираю, хотя вижу, правда, словно издалека, как кто-то накрывает ладонью мой кулак и начинает тянуть, пытаюсь высвободить, вилку. А потом раздается смех.

Мне становится еще хуже.

– Все в порядке? – интересуется она. – Ты в нее вцепился как в оружие.

Судя по голосу, она улыбается, хотя сомневаюсь. Я все еще таращусь в одну точку и практически ничего не вижу перед собой. Назира умудрилась высвободить из моей руки вилку, и теперь я просто сижу; пальцы раскрытой ладони застыли, точно хотят куда-то дотянуться.

Я чувствую, она сидит рядом.

Чувствую ее тепло, ее присутствие. Закрываю глаза. Мы с ней так и не поговорили, я и она, наедине. Говорили, но не о нас. Не о том, как сильно бьется мое сердце, когда она рядом, и уж точно не о том, что она послужила музой для фривольных грез наяву, коими кишит моя голова. После той короткой сцены в моей спальне мы обсуждали, так уж вышло, исключительно профессиональные вопросы. И я не уверен, что стоит что-то менять. Какой смысл?

Глупо было ее целовать.

Я – дурак, Назира, наверное, сошла с ума, и все, что бы ни произошло между нами, – огромная ошибка. Эта девушка не выходит у меня из головы, эмоции путаются, а я продолжаю напоминать себе, продолжаю себя убеждать, что надо мыслить логически... вот только тело меня не слушает. Я так остро реагирую на ее присутствие, словно у меня сердечный приступ.

Или аневризма.

– Эй. – Теперь ее голос звучит серьезно. – Что случилось?

Я качаю головой.

– Не надо мне тут мотать головой, – смеется она. – Кенджи, ты искромсал весь торт! С тобой явно что-то происходит.

Я чуть разворачиваюсь. Исподлобья смотрю на нее. А она в ответ закатывает глаза.

– Я тебя умоляю, – говорит она, вонзая вилку – мою, кстати, вилку! – в растерзанный кусок торта. – Всем известно, что ты любишь поесть. Постоянно что-то жуешь. Редко прекращаешь жевать, даже чтобы слово сказать.

Я удивленно таращусь на нее и моргаю.

Назира соскребает глазурь с тарелки, поднимает вилку, словно леденец на палочке, и быстро сует ее в рот. Я жду, пока она оближет вилку, а потом замечаю:

– Эта вилка уже побывала у меня во рту.

Она задумывается. Пару секунд разглядывает торт.

– Я решила, ты не будешь больше.

– Да, больше не буду, – говорю я. – Хотя пару кусочков все же съел.

И то, как она выпрямилась, несколько оскорбленный тон, с которым она произнесла: «Ну, конечно», положив вилку, наконец-то вынудило меня чуть расслабиться. Она реагирует как малолетка, словно мы и не целовались, словно ничего между нами и не было, и мне сложно сдержаться. Меня разбирает смех.

Через секунду она тоже начинает смеяться.

И я вдруг снова ощущаю себя почти человеком.

Вздыхая, часть напряжения спадает. Упираюсь локтями в деревянный стол и кладу голову на руки.

– Эй, – тихо говорит она. – Со мной ты можешь поделиться.

Ее голос так близко. Ласковый. Я набираю полную грудь воздуха.

– Поделиться чем?

– Тем, что не так.

Я опять смеюсь, теперь невесело. Из всех людей, с кем я хотел бы поделиться, Назира – последняя в списке. Должно быть, это какая-то злая шутка, что из всех моих знакомых лишь она делает вид, что ей не безразлично.

Со вздохом я выпрямляюсь, насупившись, смотрю куда-то вдаль.

Менее чем через секунду замечаю в другом конце комнаты Джульетту – длинные темные волосы и заводная улыбка. В настоящий момент моя лучшая подруга не видит никого, кроме своего парня, и я бешусь от этого и одновременно с этим смиряюсь. Сложно винить ее за то, что она просит хоть толику радости. Ведь я знаю, она прошла через ад.

И все же прямо сейчас мне она тоже нужна.

Ночка выдалась тяжелая, и я еще раньше хотел с ней переговорить, спросить, что она думает про Адама с Джеймсом, однако на полпути, посредине комнаты, меня развернул Касл. Взял с меня обещание, что сегодня я оставлю ее в покое. Сказал, для Джей очень важно побыть с Уорнером наедине. Он хотел, чтобы они провели ночь спокойно, без потрясений, и отдохнули после того, через что прошли. Я выкатил глаза так, что они буквально из орбит выпали.

Мне вот никто и никогда не давал спокойно провести целую ночь, чтобы я типа отдохнул после всего того дерьма, через которое прошел. Никого вообще не заботит, в каком я эмоциональном состоянии. Никого, кроме – если уж честно – Джей.

Я продолжаю пялиться, взглядом прожигая у нее в спине дырку. Хочу, чтобы она на меня посмотрела. Знаю, если бы она меня увидела, то поняла бы: что-то не так, и сразу бы подошла. Подошла бы, точно. Но я не хочу портить им вечер, правда, и вовсе не потому, что пообещал Каслу. После выпавших на их долю перипетий они с Уорнером действительно заслуживают полноценного свидания. Попробуй я утащить Джей, Уорнер точно постарался бы меня убить. Без шуток.

И все-таки иногда я задумываюсь...

А как же я?

Почему мои чувства можно пустить в расход? Всем вокруг можно испытывать полный спектр эмоций, никто их за это не осудит, а мне позволительно выказывать лишь счастье, в остальных случаях людям обычно со мной некомфортно. Все привыкли видеть у меня на лице улыбку, привыкли, что я все время дурачусь. Со мной прикольно и легко. Если кто-то хочет посмеяться – я тут, к вашим услугам. Зато когда я грущу или злюсь, никто не знает, как себя вести. Я пытался разговаривать с Каслом и Уинстоном, даже с Ианом, но ни с кем не получалось так, как с Джей. Касл старается изо всех сил, однако нытья и страданий он не одобряет. Секунд тридцать он терпит, я жалуюсь, а потом приходится выслушивать мотивационную речь о том, что надо быть сильным. Иан, наоборот, прям весь чешется, если я на него слыш-

ком много вываливаю, и при первой же возможности сваливает. Вот Уинстон слушает. Это он умеет делать просто отлично. Только вместо того, чтобы реагировать на мои слова, начинает рассказывать про свои дела, и хоть я понимаю – ему тоже надо выпустить пар, под конец мне в десять раз хуже.

Но с Джульеттой...

С Эллой?

С ней все по-другому. Пока мы не сблизилась, я не отдавал себе отчета, как сильно мне не хватало такого общения. Она дает мне выговориться. Не торопит. Не твердит «успокойся», не морочит голову банальщиной и не обещает, что все будет хорошо. Когда я пытаюсь снять со своей души камень, она не переводит разговор на себя и свои проблемы. Она все понимает. Ей даже не надо мне отвечать. Я могу просто заглянуть ей в глаза и увидеть, что она понимает. Ей на меня не плевать. Еще один пункт, объясняющий, почему она прекрасный лидер: она равнодушна к людям.

– Кенджи?

Назира снова касается моей руки, и я ее отдергиваю, неуклюже отстраняясь. А когда поднимаю голову и смотрю ей в глаза... я удивлен.

Похоже, она совершенно искренне беспокоится.

– Кенджи, – повторяет она, – ты меня пугаешь.

Глава 2

Я стою, качаю головой, изо всех сил пытаюсь принять беспечный вид.

– Да все нормально, – говорю я, не отрывая взгляда от противоположной стороны комнаты.

Джей смеется над тем, что ей только что сказал этот красавчик, потом улыбается и он сам, она улыбается в ответ и продолжает улыбаться, когда он к ней наклоняется, шепчет что-то на ухо, и прямо на моих глазах, в режиме реального времени, ее лицо заливается краской. Он тут же ее обнимает, целует, не стесняясь, при всех и...

Я быстро отворачиваюсь.

Это точно не предназначено для моих глаз.

Технически Джей с Уорнером не то чтобы *у всех на виду*. *Всех* здесь и нет. Наберется, может, человек пять. Они и правда постарались уединиться, забились в самый угол. И, похоже, я только что вторгся в их личную жизнь.

Да, надо было пойти спать.

– Ты в нее влюблен?

От такого предположения я аж подпрыгиваю.

Разворачиваюсь. Назира смотрит на меня взглядом, в котором читается уверенность в собственной прозорливости, типа наконец-то разгадала все Душевные Тайны Кенджи.

Как будто меня так просто понять.

– Не знаю, почему я не заметила раньше, – продолжает она. – У вас, ребята, такие странные, тесные отношения. – Она качает головой. – Конечно, ты в нее влюблен.

Господи боже мой. Я так устал, а еще и это.

Прохожу мимо Назиры, закатив глаза.

– Нет, не влюблен.

– Уверена, что знаю...

– Ничего ты не знаешь. – Останавливаюсь и разворачиваюсь к ней лицом. – Ни черта ты обо мне не знаешь! Как и я ни черта не знаю о тебе.

Она удивленно приподнимает брови.

– И что *это* значит?

– Не надо. – Я тыкаю в нее пальцем. – Не корчи из себя дурочку.

И выхожу из комнаты, иду по тускло освещенной тропинке к своей палатке, однако на полпути снова слышу ее голос.

– Ты еще злишься на меня? – кричит она вслед. – Из-за истории с Андерсоном?

Я торможу так резко, что почти спотыкаюсь. Разворачиваюсь, оказываюсь к ней лицом к лицу и не могу сдержаться: смеюсь во все горло, что выглядит, по правде говоря, дико.

– Из-за истории с Андерсоном? Ты серьезно? Ты про ту историю, когда он объявился, восстав из мертвых, готовый нас всех придушить, потому что ты ему сообщила, где нас найти? Или ты про ту историю, в которой он убил Делалье? Или нет, постой, ты, наверное, про историю, в которой он всех нас запихнул гнить в психушку... или про историю, в которой ты меня связала, вставила кляп, накачала чем-то и потащила на самолете вместе с этим убийцей, черт возьми, на другой конец света?

Назира двигается быстрее молнии и через миг приближается ко мне вплотную. Ее голос дрожит от ярости.

– Я пошла на это, чтобы спасти твою жизнь. Я спасала вас всех. Тебе следовало быть мне благодарным, а ты орешь на меня, как дитя малое, хотя я в одиночку избавила всю твою команду от неминуемой гибели. – Она качает головой. – Ты невыносим. Ты не представляешь, чем рисковала я, и не моя вина, что понять это ты не в состоянии.

Между нами, как преграда, повисла тишина.

– А знаешь, что забавно? – Я качаю головой и поднимаю лицо к ночному небу. – *Вот это*. Разговор выходит забавный.

– Ты что, пьян?

– Прекрати. – Я меряю ее мрачным взглядом. – Прекрати занижать мои умственные способности. Полагаешь, я такой тупой и не понимаю основы, черт возьми, основ спасательной операции? Прекрасно понимаю, – злобно выпаливаю я. – И понимаю, что тебе пришлось совершать неоднозначные поступки, чтобы нас вытащить. И на это я не злюсь. Я сейчас злюсь, потому что ты не умеешь общаться.

Я вижу, как поменялось выражение ее лица. Огонь, полыхавший в глазах, потух, плечи расслабленно опустились. Она смотрит на меня, моргая. Смутившись. И тихо признается:

– Не понимаю.

Солнце уже несколько часов как зашло. Темная, извилистая тропинка освещается лишь слабым светом фонарей и рассеянным светом соседних палаток. Назира купается в этом свете. Сверкает. Кажется еще красивее, чем обычно, что, по правде, очень пугает. Она смотрит на меня в упор большими, яркими глазами, словно она – простая девчонка, а я – простой парень, а вовсе не пара придурков, идущих навстречу солнцу. Словно мы оба, не вдаваясь в детали, совсем не убийцы.

Я вздыхаю. Запускаю в волосы пальцы. Мое тело больше не хочет сражаться, и я вдруг чувствую такую усталость, что едва могу стоять на ногах.

– Мне надо поспать. – Я пытаюсь ее обойти.

– Постой...

Назира хватается меня за руку, и от ее прикосновения я почти выпрыгиваю из кожи. Я вырываюсь, нервы на взводе, но она делает шаг вперед, и мы оказываемся так близко друг к другу, что я чувствую ее дыхание. Ночь выдалась спокойная, бодрящая, и в мерцающей темноте я вижу только ее. Я делаю вдох, вбираю ее запах – что-то неуловимое, что-то сладкое – и воспоминание накрывает меня с такой силой, что из легких выбивает весь воздух.

Она обвила руками мою шею.

Запустила пальцы в мои волосы.

То, как она пригвоздила меня к стене, то, как слились воедино наши тела, то, как она провела руками по моей груди и сказала, что я превосходен. Тихий, гортанный звук вырвался у нее, когда я ее поцеловал.

Теперь я знаю, что значит ее обнимать. Я знаю, как это – целовать ее, слегка касаться языком краешков ее губ, грудью ощущать ее глубокий вздох. Я могу попробовать ее на вкус, почувствовать ее формы, ее силу и ее мягкость. Сейчас я даже ее не касаюсь, однако все словно повторяется, кадр за кадром, и я не могу оторвать взгляда от ее губ, ведь так заманчиво переливается на свету этот чертов персинг-алмазик, и на секунду – всего лишь секунду – я теряю голову и снова целую ее.

В голове шумит, кровь прилила к ушам.

Я схожу от нее с ума. Даже не понимаю, почему она так сильно мне нравится. Когда она рядом, мое тело мне не подвластно. Какие-то дикие, нелогичные реакции, но мне это нравится. Хотя нет, я это ненавижу.

Порой ночью я засыпал, проматывая пленку назад... ее глаза, ее руки, ее губы...

Все всегда заканчивалось в одном и том же месте.

– *Ничего не выйдет. Мы не...* – Она чуть отодвигается. – *Мы ведь такие разные. Согласен?*

– Кенджи?

Согласен. Да. Черт, как же я устал.

Делаю шаг назад. Резкие порывы холодного ночного воздуха оказывают бодрящий эффект, и когда я наконец встречаюсь с ней взглядом, в голове все ясно и понятно. Только вот голос, когда я произношу: «Мне надо идти» – звучит странно.

– Постой, – снова просит Назира и кладет руку мне на грудь.

Кладет руку мне на грудь.

Она так кладет свою руку, словно я ее собственность, словно меня так просто остановить и подчинить. Внутри меня разгорается искра возмущения. Ясно как день, она привыкла получать все, что захочет. Или получает, или берет силой.

Я убираю ее руку. Она, похоже, даже не замечает.

– Не понимаю, – говорит она. – В смысле, я не умею общаться? Если я ничего не рассказала тебе о миссии, так только потому, что тебе не надо было об этом знать.

Я закатываю глаза.

– Считаешь, мне не надо было знать, что ты дала Андерсону наводку? Считаешь, что никому из нас не надо было знать, что он (а) жив и (б) собирается нас убить? Ты и не подумала предупредить Делалье, чтобы он ненадолго закрыл свой рот и смог выжить? – Мое недовольство растет как снежный ком. – Могла бы меня предупредить, что бросаешь нас в психушку *не навсегда*. Могла бы меня предупредить, что накачаешь меня наркотой. Не надо в принципе было меня вырубать, похищать и внушать мысль, что меня вот-вот пристрелят. Я бы пошел по своей воле. – Мой голос становится громче. – Я бы тебе *помог*, черт побери.

Назира абсолютно бесстрашна. От ее взгляда теперь веет холодом.

– Ты явно не представляешь, с чем мне приходится иметь дело, – тихо произносит она, – если и правда считаешь, что все так просто. Я не могла рисковать...

– А ты явно не представляешь, как работать в команде, – прерываю я. – Что делает тебя лишь обузой.

В ее широко распахнутых глазах читается гнев.

– Ты летаешь сама по себе, Назира. Ты живешь по моральным принципам, которые мне не понять, а по сути, делаешь то, что захочешь, и меняешь сторону, когда тебе кажется правильным или удобным. Да, иногда ты покрываешь голову, – но только если думаешь, что последствий не будет – типа ты такой бунтарь. Только все это несерьезно. На деле ты не объединяешься ни с одной из групп и все еще делаешь то, что велит папочка, пока вдруг, очень ненадолго, не решишь, что надоело слушаться Оздоровления.

Ты непредсказуема, – бросаю я ей в лицо. – Всегда и во всем. Сегодня ты на нашей стороне... а завтра? – Я качаю головой. – Я не знаю, что тобой движет. Вообще. Я так и не понял, о чем ты на самом деле думаешь. Рядом с тобой надо быть начеку, потому что нет способа понять, не используешь ли ты меня. Я не могу тебе доверять.

Назира, застыв, смотрит на меня во все глаза и молчит так долго, что, кажется, прошла вечность. В конце концов она отходит на шаг назад. По ее взгляду сложно что-то понять.

– Тебе следует быть осторожнее, – заявляет она. – Опасно говорить подобные слова тому, кому не можешь доверять.

Я на это не куплюсь. Не в этот раз.

– Чушь! Если бы ты хотела меня убить, сделала бы это давным-давно.

– Могу и передумать. Судя по всему, я непредсказуема. Всегда и во всем.

– Плевать, – бормочу я. – С меня хватит.

Качаю головой, удаляюсь; и уже уходя, уже сделав пять шагов навстречу сну и спокойствию, слышу, как она гневно кричит вслед...

– Я тебе открылась! Расслабилась, решила довериться, хоть ты и не можешь ответить мне тем же.

Останавливаюсь. Разворачиваюсь кругом.

– Когда это? – кричу ей в ответ, в отчаянии вскидывая руки. – Когда это ты мне доверилась? Когда это ты мне открылась? Да никогда. Ни разу... ты сама по себе, делаешь, что хочешь и как хочешь, плевать на последствия, и ждешь, чтобы все вокруг такие «ну, ладно». Так вот, по-моему, это фигня! Не мой вариант.

– Я рассказала тебе про свои силы! – кричит она, сжав руки в кулаки. – Я рассказала вам все, что знала, и про Эллу, и про Эммелину!

Я выдыхаю, долго и мучительно. Подхожу к ней на пару шагов, но только оттого, что не хочу больше орать.

– Я не знаю, как объяснить, – говорю я, понижая тон. – То есть я пытаюсь. Честно. Но не знаю, как... Слушай, я понимаю, непросто было рассказать, что ты можешь становиться невидимой. Да, понимаю. Но есть гигантская разница между тем, что ты делишься секретными сведениями с большим количеством людей, и тем, что ты реально открываешься лично мне. Мне не... не нужна... – Я обрываюсь на полуслове, до хруста сжимая зубы. – А знаешь что? Забудь.

– Нет уж, продолжай, – требует Назира, еле сдерживая гнев. – Говори. Что тебе не нужно?

Я смотрю ей в глаза. Они такие яркие. Грозные. И я не понимаю, что точно происходит, но у меня в голове что-то перещелкивает. Включается что-то жестокое. Без границ.

– Мне не нужна неприступная Назира, – признаюсь я. – Мне не нужно это холодное, расчетливое создание, которое должны видеть другие. Это существо проявляет жестокость, бессердечие и не знает, что такое преданность. Тебя нельзя назвать милым человеком, Назира. Ты – злая, надменная и заносчивая. Но все это можно вынести, клянусь, если бы я чувствовал, что где-то там, глубоко, у тебя есть сердце. Ведь если мы хотим стать друзьями – если мы хотим стать хоть чем-то – мне нужно тебе доверять. А дружбе по расчету я не доверяю. Как не доверяю машинам.

Я осознал свою ошибку слишком поздно.

Назира кажется ошарашенной.

Она смотрит на меня и часто-часто моргает, и на секунду, затянувшуюся, мучительную секунду ее каменный фасад поддался под напором обнаженной, трепещущей эмоции, благодаря которой она стала похожей на ребенка. Она поднимает на меня взгляд и внезапно кажется такой маленькой: юной, испуганной крохой. Глаза на мокром месте, блестят, и вся картина настолько душераздирающая, что действует на меня словно удар под дых.

Еще секунда, и все прошло.

Она отворачивается, запирает свои чувства, снова натягивает маску.

Цепенею.

Я напортачил, причем в космических масштабах, и не знаю, как выкрутиться из этой ситуации. Правила этикета на такой случай мне не известны. Еще я не знаю, когда и как превратился в столь первоклассного подонка, хотя, полагаю, частое общение с Уорнером не пошло на пользу.

Я не такой. Я не заставляю девчонок плакать.

А еще я не знаю, как вернуть все назад. Может, помолчать. Может, если я буду стоять, хлопать глазами и смотреть в пространство, то время повернется вспять. Не знаю. Не знаю, что сейчас будет. Зато знаю, что я, наверное, настоящий мерзавец, потому что только чудовище может заставить Назиру Ибрагим плакать. Я и не думал, что она умеет плакать. Не думал, что она все еще на это способна.

Вот такой вот я придурак.

Довел дочь Верховного главнокомандующего Азии до слез.

Когда она поворачивается ко мне лицом, глаза сухие, а голос ледяной. Глухой. Похоже, она сама не верит, что произносит:

– Я ведь тебя поцеловала. В тот момент я тоже была машиной?

В голове вдруг ни одной мысли.

– Кто знает.

Слышу ее резкий вдох. Лицо искажает боль.

Бог мой, я не просто придурок. Я – хуже.

Я – плохой человек.

Что же со мной не так? Надо заткнуться. Я не хочу себя так вести. Не хочу тут стоять. Я хочу вернуться в свою комнату и пойти спать, и не стоять тут. Но что-то отказало: мозг, язык, двигательные функции.

Даже хуже: я не знаю, как отсюда свалить. Где расположена кнопка катапультирования, которая позволяет избежать разговоров со свирепыми, но красивыми женщинами?

– Ты искренне считаешь, я бы сделала что-то подобное – я бы так тебя поцеловала – только ради манипуляции?

Я снова хлопаю глазами.

Кошмар какой-то, и я не могу из него выбраться. Угрызения совести, замешательство, усталость и злость – все смешалось, довело царящий в уме хаос до болевого синдрома и вдруг, ни с того ни с сего, у меня взрывается голова.

Отчаянно, по-дурачки...

Я ору и не могу остановиться.

– Откуда мне знать, что бы ты сделала или не сделала ради манипуляции? – кричу я. – Откуда мне знать о тебе хоть что-то? Как мне вообще находиться в одной комнате с таким человеком? Вся ситуация – сплошной маразм. – Я не снижаю тон. Стараюсь понять, как бы успокоиться. – Хочу сказать, ты ведь не только знаешь тысячу различных способов меня убить, но и нельзя игнорировать тот факт, что ты типа самая красивая женщина в моей жизни... то есть, знаешь, логичнее предположить, что ты просто издеваешься, чем поверить, что в какой-то параллельной вселенной ты считаешь меня привлекательным.

– Ты просто невыносим!

– А ты явно сбрендила.

Она разевает рот. В буквальном смысле. И на секунду выглядит такой рассерженной, что мне кажется, она, и правда, может вырвать мне глотку.

Пячусь назад.

– Ладно, ладно, прости, не сбрендила. Просто двадцать минут назад ты заявила, что я влюблен в лучшую подругу, так что, если честно, у меня есть оправдание.

– Ты смотрел на нее влюбленными глазами!

– Господи помилуй, женщина, это на тебя я смотрю влюбленными глазами!

– Я... Стой. Что?

Я крепко зажмуриваюсь.

– Ничего. Не бери в голову. Мне надо идти.

– Кенджи...

Но я уже ушел.

Глава 3

Я возвращаюсь в свою комнату, захлопываю дверь и, облокотившись о нее спиной, унылым, жалким кулем сползаю на пол. Роняю голову, закрываю ее руками, и вдруг мне на ум приходит мысль...

Вот бы мама была рядом.

Это настроение так быстро подбирается откуда-то, невзначай, и я не могу вовремя его остановить. Оно стремительно нарастает, выходит из-под контроля: грусть подпитывает грусть, жалость к себе беспощадно возвращается снова и снова. Все гаденькие события моей жизни – все разочарования и огорчения – именно сейчас решили вспороть мое нутро, поразвлечься с моим сердечком, поковырять его, пока ничего не останется, пока горе не сожрет меня живьем.

Я рассыпаюсь, не выдерживая такую тяжесть.

Сажу, засунув голову между коленей, обхватив ноги руками. В груди распускается, пульсируя, боль, ее пальцы раздвигают грудную клетку, сжимают легкие.

Мне сложно дышать.

Сперва я не чувствую, как по лицу текут слезы. Сперва я просто слышу свое дыхание, резкое, затрудненное, и не понимаю – что за звук? Поднимаю голову, я в шоке, выдавливаю смешок, он выходит какой-то чужеродный, глупый. Как и я сам. Прижимаю к глазам кулаки и стискиваю зубы, заставляя слезы вернуться обратно в глазницы.

Не знаю, что сегодня со мной происходит.

Мне не по себе, я весь на взводе. О чем-то переживаю. Моя цель, то, куда я иду, все размывается. Я постоянно твержу себе, что каждый день сражаюсь ради надежды, ради спасения человечества. Но всякий раз, выживая, возвращаюсь к еще большим потерям, к еще большей разрухе. Что-то внутри расшаталось. Похоже, люди, которых я люблю, и места, к которым я привязан, скрепляют меня как винтики. А без этих винтиков... я всего лишь груды ненужного металлолома.

У меня вырывается долгий, дрожащий вздох. Закрываю лицо руками.

Я очень, очень редко позволяю себе вспоминать о маме. Очень редко. Но сейчас темно, холодно, страшно, чувство вины туда же... непонятно, что у меня с Назирой...

Вот бы поговорить с мамой.

Вот бы она оказалась рядом, поддержала меня, подсказала. Вот бы забраться к ней под бочок, как раньше, почувствовать, как в конце затянувшейся ночи ее пальцы массируют мне макушку и напряжение улетучивается. Когда меня мучили кошмары или когда папа слишком долго отсутствовал в поисках работы, мы вдвоем не спали, поддерживая друг друга. Я любил к ней прильнуть, а она меня нежно покачивала, перебирая пальцами прядки волос, и шептала на ухо шутки. Она была такая забавная. И такая умная. И такая проницательная.

Бог мой, как же я скучаю!

Иногда скучаю так сильно, что, кажется, от возникшей внутри пустоты грудная клетка провалится внутрь. Я словно тону в этом чувстве, словно никогда больше не смогу глотнуть воздуха. Порой в такие моменты я верю: вот сейчас захлестнут эмоции, и я просто лягу и умру.

Затем, как по волшебству – шаг за шагом – все сходит на нет. Процесс не быстрый, мучительный, но в итоге это бельмо проходит, и я снова жив здоров. И снова один.

Сажу в темноте с воспоминаниями.

Иногда мне так одиноко, что и дышать тяжело.

Касл вернул свое дитя. У всех друзей теперь есть пара. Мы потеряли Адама. Потеряли Джеймса. Потеряли всех из «Омеги пойнт». Такой сильный удар для меня. Валит с ног, когда забываю зарыть чувства достаточно глубоко.

Так продолжаться больше не может. Я разваливаюсь на части, а на это времени нет. Я нужен людям, они от меня зависят.

Надо собраться.

Я поднимаюсь, опираясь спиной на дверь, ища устойчивое положение. Я много времени провел в темноте, в холоде, в одежде, которую не снимал неделю. Я справлюсь. Надо лишь внести разнообразие в привычную деятельность.

У Джеймса с Адамом наверняка все хорошо.

По-другому и быть не может.

Иду в ванную, по дороге стучу по выключателю и пускаю воду. Сдираю с себя старые вещи, дав себе зарок сжечь их при первой же возможности, и, выдвинув пару ящиков комода, выбираю нужное среди бутылочек и предметов гигиены. Как и обещала Нурия, здесь есть все необходимое. Потом, довольный, захожу в душ. Уж не знаю, откуда здесь горячая вода, да и какая разница. Она есть.

И это прекрасно.

Прислоняюсь к холодному кафелю, струи горячей воды хлещут меня по щекам. А потом, в конце концов, сползаю на пол, сил нет стоять.

Я сварюсь живьем в кипятке. Ну и пусть.

Глава 4

Я понадеялся, что душ окажет тонизирующе-лечебный эффект, – не сработало. Чистоту я ощущаю, что, конечно, чего-то да стоит, однако мне все равно плохо. Плохо физически. Раньше я вроде лучше справлялся со своими эмоциями, хотя... уже не уверен.

По-моему, у меня горячка. Или акклиматизация. Или и то и другое.

Явно что-то из этого списка.

Я так вымотан. Должен, по идее, только голову на подушку – и спать. Не тут-то было! Пару часов провалился в кровати, пялясь в потолок, потом побродил немного в темноте и снова лежу, кидаю об стену свернутые в мячик носки... а на луну уже лениво наступает солнце.

Из-за горизонта пробивается лучик света. Занимается заря. Я смотрю через квадратное окно, не отрываясь, на эту картину, а из головы все не идет мысль: что, черт возьми, со мной творится? Внезапный стук в дверь посылает заряд адреналина прямо в мозг.

Через пару секунд я уже на ногах, сердце колотится, в висках стучит. На ходу, спеша, натягиваю одежду и ботинки, едва не расшибаюсь, распахиваю дверь и вижу, как облегченно выдыхает Брендан.

– Отлично, – говорит он. – Ты одет.

– Что стряслось? – машинально выпаливаю я.

Брендан вздыхает. Он кажется печальным... а затем, на долю секунды, испуганным.

– Что стряслось? – повторяю я. Адреналин не дремлет, гасит страх. Я чувствую себя спокойнее. Мысли яснее. – Что случилось?

Брендан мешкает, бросает взгляд через плечо.

– Я всего лишь гонец, дружище. И не могу ничего объяснять.

– Что? Почему это?

– Поверь. – Он встречается со мной взглядом. – Тебе лучше услышать все от Касла.

Глава 5

– Почему? – Первое слово, с которым я обращаюсь к Каслу. Врываюсь в дверь, возможно, чересчур нарочито, однако мне сложно с собой совладать. Психую. – Почему только вы мне можете рассказать? – спрашиваю я. – Что происходит?

В моем голосе слышен еле сдерживаемый гнев. Я и правда еле сдерживаюсь, чтобы не прокручивать в голове наихудшие варианты развития событий. Только ужасные вещи могли подстегнуть друзей вытащить меня из кровати перед самым рассветом, притом заставляя ждать ответа, что, черт возьми, происходит, даже пять лишних минут – вообще никуда не годится.

Касл с мрачным видом смотрит на меня в упор, и я глубоко вдыхаю, оглядываюсь по сторонам, пытаюсь унять сердцебиение. Я не знаю, где оказался. Похоже, здесь какой-то штаб. Еще одно здание. Касл, Сэм и Нурия сидят за длинным деревянным столом, на котором разбросаны бумаги, валяются подмоченные чертежи, линейка, три перочинных ножа и стоят несколько кружек с остатками кофе.

– Садись, Кенджи.

Однако я продолжаю вертеть головой, теперь ищу Джей. Вижу Иана и Лили. Брендан с Уинстоном тоже здесь.

Джей нет. Как нет и Уорнера. И все отводят взгляд.

– Где Джульетта?

– Ты про Эллу? – мягко поправляет Касл.

– Да какая разница. Почему ее нет?

– Кенджи. Пожалуйста, присядь. Мне и так непросто, не заставляй еще и гасить твои эмоции. Пожалуйста.

– Со всем уважением, сэр, но я сяду только после того, как узнаю, что, черт побери, случилось.

Касл тяжело вздыхает.

– Ты оказался прав, – наконец произносит он.

Делаю большие глаза, в груди гулко стучит сердце.

– Что, простите?

– Ты оказался прав, – признает Касл с ударением на последнем слове. Он сжимает и разжимает кулаки. – Про Адама. И про Джеймса.

Я мотаю головой.

– Нет, не надо. Нет, я просто не сдержал эмоций. С ними все в порядке. Не слушайте меня, – говорю я, слегка смахивая при этом на чокнутого. – Я ошибаюсь. Я всегда ошибаюсь.

– Кенджи.

– Нет.

Касл поднимает голову, смотрит прямо мне в глаза. Он выглядит морально опустошенным. Даже хуже.

– Скажите, что это шутка, – прошу я.

– Андерсон взял ребят в заложники, – произносит он, бросая взгляд на Брендана и Уинстона. Иана. Призрак Эмори. – Снова.

Мне такого не вынести.

Сердце не выдержит. Я уже и так близок к краю. А это слишком. За гранью.

– Ошибаетесь, – настаиваю я. – Андерсон бы на такое не пошел, не с Джеймсом. Он всего лишь ребенок. Он не стал бы так поступать с ребенком...

– Стал бы, – тихо подтверждает Уинстон, – еще как.

Я окидываю его диким взглядом. Чувствую себя идиотом. Словно собственная кожа вдруг стала слишком мала. Потом слишком велика. Снова перевожу взгляд на Касла и спрашиваю:

– Откуда вы знаете? Почему уверены, что это не очередная ловушка, как в прошлый раз...

– Конечно, ловушка, – отвечает Нурия. Голос ее твердый, но недобрый. Она бросает беглый взгляд на Касла, прежде чем произнести: – Не знаю, зачем отцу понадобилось выставять все так, словно это банальный захват заложников. Это не так. Хотя мы не уверены точно, что происходит. Выглядит все, конечно, будто Андерсон держит ребят в заложниках, однако очевидно, что за кулисами разворачивается нечто более глобальное. Он что-то замышляет. Иначе он бы не...

– Я думаю, – подхватывает Сэм, сжимая руку жены, – Нурия пытается объяснить, что, как мы полагаем, Адаму с Джеймсом отведена не главная роль.

Я в недоумении перевожу взгляд с одной на другую. В комнате повисло напряжение, которого не было еще секунду назад, в голове полный сумбур, и я этого не чувствую.

– Совсем не понимаю, к чему вы ведете, – признаюсь я.

И тут вмешивается Касл.

– Дело не только в Адаме и Джеймсе. Андерсон сейчас держит под стражей всех детей... в частности, детей Верховных главнокомандующих.

Следующий вопрос уже вертится у меня на языке, когда до меня доходит...

Вопросы есть только у меня. Обвожу взглядом комнату, разглядываю лица друзей. Вид у всех печальный и решительный. Словно конец истории им уже известен, и они к нему готовы.

Это откровение меня убило. И я не могу сбавить резкий тон:

– Почему я узнаю обо всем последний?

Мой вопрос встречает гробовое молчание. Замечаю торопливые переглядывания. На лицах нервное выражение.

– Мы знали, что ты тяжело воспримешь это известие, – говорит Лили. Лили, которой всегда были до лампочки мои переживания. – Ты только что вернулся с безумной операции, а потом мы вынужденно обстреляли твой самолет... Если честно, мы не знали, сообщать тебе такое сразу или нет. – Она медлит. А потом, бросив раздраженный взгляд на других девушек, добавляет: – Но, если тебе полегчает, Нурия и Сэм нам тоже не сразу сказали.

– Что? – Я удивленно приподнимаю брови. – Что, черт побери, происходит? А когда вы это узнали?

В комнате снова становится тихо.

– *Когда?* – повторяю я.

– Четырнадцать часов назад, – отвечает Нурия.

– *Четырнадцать часов?* – Мои глаза сейчас выкатятся из орбит, аж больно. – Вы знали об этом еще *четырнадцать часов назад*, а говорите мне только сейчас? Касл?

Он качает головой и признается:

– От меня тоже скрывали.

Несмотря на то, что держится он спокойно, его челюсть заметно напряжена. Взглядом со мной он не встречается. Но и на Нурию глаз не поднимает. И тут нужные мысли приобретают невиданную скорость, в конце концов, до меня доходит: слишком много поваров на этой метафорической кухне.

Понятия не имею, в каком хитроумном шоу я участвую, только ясно: Нурия и Сэм слишком привыкли командовать по-своему. Дочь не дочь, однако Нурия – предводитель местного сопротивления, и не важно, насколько ей нравится, что отец рядом, передавать ему бразды правления она не собирается. Что значит, она не собирается давать ему доступ к секретной

информации, пока не сочтет необходимым. Что значит... Черт, по-моему, это значит, что Касл больше ничего не решает.

Вот гадство!

– Получается, вы обо всем знали, – произношу я, переводя взгляд с одной на другую. – Когда мы вчера приземлились, вы знали... знали, что Андерсон скрутил детей. Когда мы ели торт и пели песенку Уорнеру, вы знали, что Джеймса и Адама похитили. Когда я спрашивал, раз за разом, снова и снова, почему здесь, черт возьми, нет Адама с Джеймсом, вы все знали и *молчали*...

– Возьми себя в руки, – резко реагирует Нурия. – Ты забываешься.

– Как можно было так врать? – гну я свою линию, не потрудившись снизить тон. – Как можно было стоять и улыбаться, зная, что страдают наши друзья?

– Мы хотели убедиться, – говорит мне Сэм. А потом вздыхает, тяжело, сдувая с лица прядки белокурых волос. Под глазами у нее фиолетовые синяки, выходит, я не единственный, у кого в последнее время проблемы со сном. – Люди Андерсона слили эту информацию прямо в подпольные организации. Он намеренно подкинул ее в нашу сеть, что с самого начала заставило меня сомневаться в его мотивах. Андерсон, похоже, догадался, что ваша команда укрылась у другой группы повстанцев, – продолжает она. – Но ему не известно, кто точно вас прячет. Я вычислила, что он просто пытается нас выманить, заставляет открыться, поэтому решила проверить всю информацию прежде, чем ее распространять. Мы не хотели предпринимать дальнейших шагов, не будучи абсолютно уверенными, и подумали, что, если выдать такую болезненную информацию, которая в конечном итоге может оказаться ложной, это подкосит боевой дух.

– Вы ждали четырнадцать часов и не поделились информацией, которая могла быть верной, – кричу я. – Андерсон уже мог решить от них избавиться.

Нурия качает головой.

– Так не поступают с заложниками. Он ясно дал понять: ему что-то от нас надо. От козырей не избавляются.

Я вдруг замираю.

– О чем ты? Что ему от нас надо? – Потом, оглянувшись, добавляю: – И почему, черт побери, здесь нет Джульетты? Она должна это слышать.

– Причин ее тревожить нет, пусть поспит, – возражает Сэм. – Сейчас мы все равно ничего не можем сделать. Утром сообщим ей.

– Черт-те что! – забываясь, в гнев выпаливаю я. – Простите, сэр, я понимаю, мы не в «Омеге пойнт», но вы должны что-то предпринять. Так не пойдет. Джей возглавила это трехклетное сопротивление... ей не надо, чтобы с ней сюсюкались или оберегали. Когда она поймет, что мы ей ничего не сказали, то точно разозлится.

– Кенджи...

– Как угодно, но это все какая-то чушь, – твержу я, вцепившись руками в волосы. – Блеф. Очередное вранье. Андерсон не мог собрать всех детей, просто невозможно. Разумеется, он старается задурить нам головы – и это, кстати, работает, – потому что прекрасно знает: мы не можем быть уверены, правда ли они у него в заложниках. Это все какая-то хитрая манипуляция. Идеальная партия.

– Нет. – С этими словами Брендан кладет руку мне на плечо. И хмурится, выражая беспокойство. – Это не манипуляция.

– Естественно, мани...

– Сэм их видела, – вмешивается Нурия. – Есть доказательства.

Замираю.

– Что?

– Я могу видеть на больших расстояниях, – признается Сэм. Она пытается выжать из себя улыбку, но, похоже, слишком истощена. – На очень, очень больших расстояниях. Мы догадались, что, если Андерсон собирается куда-то отвезти детей, он сделает это поближе к своей базе, где под рукой и солдаты, и необходимые ресурсы. Когда Элла сообщила о смерти Иви, я еще больше уверилась, что он отправится обратно в Северную Америку, где ему нужно ликвидировать последствия и удерживать власть над континентом. Если, например, еще какая-нибудь повстанческая группа попытается воспользоваться волнениями, он должен быть на месте, вершить власть и следить за порядком. Поэтому я поискала в Сорок пятом секторе. За четырнадцать часов я все хорошенько осмотрела и уверена, что собрала достаточно доказательств, которые подтверждают его заявления.

– Какого черта... Ты уверена, что собрала достаточно доказательств? Что за чепуха? Зачем нагонять столько туману? И с чего это ты единолично что-то решаешь...

– Следи за тоном, Кишимото, – резко обрывает меня Нурия. – Сэм без отдыха трудилась, пытаясь все разузнать. Здесь тебе предоставили кров, здесь она обладает авторитетом, и ты его признаешь и выразишь ей свою благодарность и уважение.

Сэм кладет руку на плечо Нурии, успокаивая ее.

– Все в порядке, – произносит она, не отрывая от меня глаз. – Он просто расстроен.

– Мы здесь все расстроены. – Нурия смотрит на меня с прищуром.

От гнева она начинает слегка светиться, ее темная кожа словно биолюминесцирует. Я не могу отвести от нее взгляд. А потом чуть встряхиваю головой, чтобы избавиться от наваждения.

– Я не хочу выказывать неуважение, – говорю я. – Просто не понимаю, почему мы на это ведемся. «Достаточно доказательств» – звучит как-то неубедительно, особенно когда Андерсон уже проворачивал такую фигню и раньше. Забыли, чем все закончилось? Если бы не Джей, которая тогда спасла все наши задницы, мы уже были бы покойниками. Иан так точно.

– Ты прав, – терпеливо начинает Касл, – но упускаешь одну важную деталь.

Я наклоняю к нему голову.

– В тот момент Андерсон действительно схватил наших людей. Он об этом не врал.

Я стискиваю зубы. Сжимаю кулаки. Все тело превращается в камень.

– Отрицание – первая стадия горя, дружище.

– Отвали, Санчес.

– Все, *хватит*. – Касл резко поднимается на ноги. Он вне себя, стол дребезжит под его ладонями. – Что с тобой, сынок? Это на тебя не похоже. Так грубо и непочтительно себя ведешь. Твои резкие высказывания в данной ситуации лишние.

Я крепко зажимаюсь.

В темноте, за закрытыми веками взрывается ярость, устраивает там салют и ломает меня.

Голова кружится.

Сердце кружится.

Капли пота стекают по спине, и меня начинает непроизвольно бить дрожь.

– Отлично, – грубо отвечаю я, открывая глаза. – Извините, что вел себя неподобающим образом. Но я спрошу еще раз, а потом пойду и приведу ее сам: почему, черт побери, здесь нет Джульетты?

В ответ слышу молчание, большего мне и не требуется.

– Что здесь на самом деле творится? – Я брызжу злобой. – Зачем вы так поступаете? Почему ей надо так долго спать, отдыхать и восстанавливаться? Почему вы мне не говорите...

– Кенджи... – Голос Касла звучит теперь иначе. Он хмурится, морщит лоб, переживает. – Как ты себя чувствуешь?

Я хлопаю глазами. Резко вдыхаю, пытаюсь успокоиться, и отвечаю:

– Все нормально.

На секунду мне кажется, что мои слова звучат как-то странно, будто их разносит эхо.

– Дружище, выглядишь ты не очень.

Кто это сказал?

Иан?

Поворачиваюсь на голос, однако при малейшем движении все вокруг изгибается, звуки рвутся на части.

– Точно, может, тебе поспать?

Уинстон?

Я снова поворачиваюсь, и на сей раз звуки ускоряются, набирают темп, а потом сталкиваются в режиме реального времени. В ушах начинается трезвон. Я опускаю взгляд, слишком поздно понимая, что трясутся руки. И зубы трясутся. Стучат. Я мерзну.

– Почему здесь так холодно? – бормочу я.

Рядом вдруг оказывается Брендан.

– Давай, я отведу тебя в твою в комнату, – предлагает он. – Может, ты...

– Я в порядке, – отшатываясь, нагло вру.

Сердце колотится с бешеной скоростью, в таком темпе, что его движение почти смазывается, оно больше похоже на вибрацию.

Это сводит с ума.

Мне надо успокоиться. Надо перевести дыхание. Надо сесть... или облокотиться на что-то...

Переутомление бьет как пуля меж глаз. Неожиданно, по-зверски запускает когти мне в грудь и тащит вниз. Я спотыкаюсь о стул, медленно моргаю. Руки тяжелеют. Сердечный ритм замедляется. Я растекаюсь.

Глаза закрываются.

И вдруг в голове всплывает образ Джеймса: голодного, побитого, в синяках. Одинокого и напуганного.

От страха в сердце пробивает электрический заряд, страх возвращает меня к жизни.

Глаза резко распахиваются.

– Слушайте. – У меня пересохло в горле. Я тяжело сглатываю. – Слушайте, – повторяю я, – если это правда, если Джеймс и Адам действительно у Андерсона в заложниках, тогда надо идти. Идти прямо сейчас. Не медля, черт возьми, ни секунды...

– Кенджи, мы не можем, – прерывает меня Сэм. Она стоит уже передо мной... как странно. – Прямо сейчас мы не можем ничего предпринять.

Она медленно и старательно выговаривает слова, будто обращается к ребенку.

– Почему?

– Потому что точное их местонахождение пока не известно. – Теперь отвечает Нурия. – А еще потому, что ты прав: это какая-то ловушка.

Она смотрит такими глазами, словно ей меня жаль, отчего в моей крови снова разливается гнев.

– Нельзя идти без подготовки, – говорит она. – Нужно больше времени. Больше информации.

– Мы их вернем, – заверяет Касл, делая шаг вперед. Он кладет руки мне на плечи, всматривается в мое лицо. – Клянусь, мы их вернем. С Джеймсом и Адамом все будет хорошо. Нам просто нужно придумать план.

– Нет, – злобно выкрикиваю я, вырываясь. – Все, что вы говорите, – полный бред. Нам нужна Джульетта. Все вышло из-под контроля.

– *Кенджи...*

Я вылетаю из комнаты.

Глава 6

Должно быть, я совсем свихнулся.

Другого объяснения нет. А иначе зачем мне ругаться, глядя в глаза Каслу, орать на его дочь, ссориться с друзьями и торчать здесь на рассвете, в третий раз нажимая кнопку дверного звонка. Похоже, я нарываюсь, ищу смерти. Похоже, очень хочу, чтобы Уорнер врезал мне по лицу или типа того. Даже сейчас, несмотря на густой, идиотский туман в голове, я понимаю, что не должен быть здесь. Понимаю, это неправильно.

Я либо (а) совсем придурок, (б) слишком устал, (в) разозлился донельзя, или (г) все вышеперечисленное, чтобы хорошенечко задуматься о личном пространстве и о желании людей уединиться. И тут, прям как по команде, через дверь слышу приглушенный, злой голос.

– Любовь моя, прошу, не обращай внимания.

– А вдруг что-то случилось?

– Ничего не случилось, – говорит он. – Это всего лишь Кенджи.

– Кенджи? – Раздается какое-то шарканье, и у меня екает сердце. Джей всегда подходит.

Она подходит *всегда*. – Откуда ты знаешь, что это он?

– Считаю, ткнул пальцем в небо, – отвечает Уорнер.

Я снова жму на звонок.

– Иду!

Джей. Ну, наконец-то.

– Никуда она не идет, – рывкает Уорнер. – Проваливай.

– Я не уйду, – ору я в ответ. – Надо поговорить с Джульеттой. С Эллой. Джеллой. Тьфу ты, без разницы.

– Элла, любовь моя, дай я его прибью.

Слышу, как смеется Джей, что очень мило: понятно ведь, она считает, Уорнер так шутит. Я же, напротив... абсолютно уверен, что нет.

Уорнер что-то добавляет, мне не слышно. В комнате становится тихо, не знаю, что и думать. А потом доходит: меня перехитрили. Скорее всего, Уорнер затащил ее обратно в кровать.

Да чтоб тебя!

– Но именно поэтому мне и надо открыть дверь. – Слышу я ответ Джей. Снова тишина. Потом какой-то шорох. Приглушенный стук. – Должно быть, что-то важное, раз ему приспичило пообщаться со мной в такую рань.

Уорнер так громко вздыхает, что я слышу это через дверь.

Снова жму на звонок.

Раздается одинокий, неразборчивый вскрик.

– Эй, – зову я. – Ладно вам... откройте дверь. Я скоро тут задницу отморожу.

Снова слышится злобное бормотание Уорнера.

– Сейчас открою, – кричит Джей.

– А что так долго-то?

– Пытаюсь... – Раздается ее смех, а потом мягким нежным голосом она говорит явно не мне: – Аарон, прошу... обещаю, я скоро вернусь.

– Джей?

– Я пытаюсь одеться!

– Упс. – Не желаю представлять их в кровати, голых, однако картинка вырисовывается сама собой. – Ладно, хорошо.

Потом слышу:

– Дорогая, а как долго ты собираешься с ним дружить?

Джей снова смеется.

Черт, эта девчонка, похоже, его не понимает.

То есть... Ведь если хоть на пять секунд залезть в шкуру Уорнера, можно понять, почему у него так часто возникает желание меня прибить. Если бы я лежал в кровати со своей девушкой и какой-то убогий засранец продолжал звонить в дверь только потому, что ему приспичило обсудить с ней свои переживания, я бы тоже захотел его смерти.

Впрочем, девушки у меня нет и такими темпами не будет. Поэтому мне типа плевать... и Уорнер это знает. Уже повод для глубокой ненависти. Он не может меня выгнать, не причинив боль Джей, но и впустить, пожертвовав свиданием, тоже не может. Незавидное положение.

А мне на руку.

Я заносу палец над кнопкой звонка, когда я слышу приближающиеся шаги. Дверь наконец распахивается, и я резко сдаю назад.

Уорнер явно в бешенстве.

Волосы взъерошены, пояс халата завязан наспех. На нем ни рубашки, ни обуви, и, похоже, под халатом тоже ничего – единственная причина, почему я заставляю себя смотреть ему в глаза.

Черт.

Он не шутил. Ни капельки. Я довел его до белого каления.

– Зря я не дал тебе замерзнуть насмерть в старой квартире Кента, – говорит он тихим, смертельно-опасным тоном. – Зря не дал грызунам сожрать твою законсервированную тушку. Зря...

– Слушай, чувак, я, честно, не пытаюсь...

– Не перебивай!

Я затыкаюсь.

Уорнер резко вдыхает, стараясь успокоиться. Его глаза пышут огнем. Зеленым. Ледяным. Огнем. Примерно в таком порядке.

– Почему ты так со мной поступаешь? Почему?

– Хм. Да уж, такому нарциссу, как ты, конечно, сложно это понять, только ты тут ни при чем. Джей – мой друг. И это я первый с ней подружился. Мы стали друзьями задолго до того, как ты вообще появился на горизонте. Глаза Уорнера от возмущения стали как блюдца. И, не давая ему и шанса что-то сказать, я выпаливаю: – Упс, виноват. Прошу прощения. – Я складываю руки в знак примирения. – На секунду позабыл про эти ваши провалы в памяти. Но, как ни крути, если моя память мне не изменяет, я познакомился с ней первым.

И тут ни с того ни с сего...

Уорнер хмурится.

Словно кто-то вырубил переключатель, и огонь в его глазах сошел на нет. Он меня пристально изучает, отчего я крайне нервничаю.

– Что происходит? – спрашивает он, наклоняет ко мне голову, и спустя мгновение его глаза удивленно распахиваются. – Почему ты напуган?

Появляется Джей, и я не успеваю ответить.

Она мне улыбается – эта искренняя, счастливая улыбка всегда согревает мне сердце, – и я с облегчением отмечаю: она полностью одета. Не в стиле «под-халатом-у-меня-ничего», а нормально, в пальто и туфлях, одета так, что можно выйти и прогуляться по улице.

Теперь я могу вздохнуть.

Однако через секунду ее улыбка гаснет. И когда она вдруг бледнеет и обеспокоенно хмурится – мне становится чуточку лучше. Знаю, звучит странно, но ее реакция меня ободряет. Значит, хоть что-то в этом мире стабильно. Потому что я знал. Знал, что, в отличие от других, Джей сразу поймет: со мной что-то случилось. Со мной что-то не так. И никакая суперсила для этого ей не нужна.

Для меня это значит многое.

– Кенджи, что стряслось?

Мне сложно и дальше держать себя в руках. Тупая боль начинает пульсировать где-то за левым глазом. Зрение туманят черные пятна, они то появляются, то исчезают, оставляя следы. Мне не хватает воздуха, словно в груди нет места, а мозг, наоборот, слишком огромен.

– Кенджи?

– Джеймс, – выдавливаю я тоненьким голосом. Как-то криво. – Его забрал Андерсон. Андерсон забрал Джеймса и Адама. Он держит их в заложниках.

Глава 7

Мы вернулись в командный пункт.

Я стою в дверях, рядом со мной Джей. Уорнер задержался – ему понадобилась минутка, чтобы подобрать приличный наряд и причесаться. За время моего отсутствия атмосфера в комнате поменялась кардинально. Все смотрят то на меня, то на Джей. Хотя выражение «сверлят глазами» здесь лучше подходит. Брендан выглядит уставшим. Уинстон – раздраженным. Иан выглядит злым. Лили выглядит злой. Сэм выглядит злой. Нурия выглядит злой.

Касл, похоже, вообще в бешенстве.

Он смотрит на меня, прищурившись, и благодаря долгим годам наблюдения за языком его тела, я прекрасно понимаю, о чем он думает.

Прямо сейчас он думает, что я не просто разочаровал его, ему кажется, я его предал (ведь я пренебрег правилом не ругаться), что я умышленно проявил к нему неуважение и что меня следует посадить под домашний арест на две недели за то, что я наорал на его дочь и ее жену. А еще он растерян. Я не оправдал его надежд.

– Простите, сэр, похоже, я погорячился.

Челюсть Касла заметно напрягается, пока он окидывает меня оценивающим взглядом.

– Тебе лучше?

Нет.

– Да, спасибо.

– Хорошо, обсудим это позже.

Отвожу взгляд. Я слишком устал, чтобы еще и раскаиваться. Я вымотан. Опустошен. Выжат как лимон. Кажется, будто все мои внутренности выскребли тупыми, ржавыми инструментами, хотя почему-то я все еще на ногах. Как-то стою. Теперь Джей рядом, и ситуация выглядит не такой ужасной. Приятно осознавать, что есть близкий человек, и он за тебя.

Она прерывает минуту неловкого молчания.

– Итак. – Ее первое слово на миг зависает в воздухе. – Почему мне никто не сообщил об этой встрече?

– Мы не хотели тебя беспокоить. – Оправдание у Нурии вышло слишком слащавым. – Последние недели у тебя выдались напряженными, и мы решили тебя не будить, пока не выработаем четкий план действий.

Джей хмурится. Раздумывает о словах Нурии и явно в них сомневается. Мне тоже кажется, что это отмазка. Никогда раньше не было специальных условий для тех, кто вернулся с поля боя: типа, надо дать им отдохнуть или надо дать им поспать. Раненые, конечно, исключение. Хотя иногда и они не исключение. И к Джей раньше тоже не было особого отношения. Мы не возимся с ней как с ребенком, не носимся как с фарфоровой вазой, словно она может разбиться.

Джелло решает не заострять на этом внимания.

– Я понимаю, ты стараешься проявить к нам заботу, – говорит она Нурии, – и я признательна и за кров, и за щедрость, особенно за то, что ты организовала для Аарона. Но нам следовало сказать сразу. Если честно, в ту же минуту, что мы приземлились. И не важно, через что нам пришлось пройти. Наши мысли все здесь, в этой реальности, с которой мы соприкасаемся, и Аарон собирается сражаться в наших рядах. Пришло время всем вам понять, что его не стоит недооценивать.

– Подожди-ка... в смысле? – хмурится Иан. – При чем тут Уорнер с его недооцененностью и Джеймс?

Джей качает головой.

– При том. Аарон к Джеймсу имеет непосредственное отношение. Я вообще не понимаю, почему ему первому не сказали. Ваши предрассудки вам же и вредят. Мешают.

Теперь пришла моя очередь хмуриться.

– К чему ты ведешь, принцесса? Не понимаю, при чем тут Уорнер? И почему ты все время зовешь его Аарон? Дикость какая-то.

– Я... ой, – задумывается она. – Простите. Мое сознание... все воспоминания еще... мне непросто. Так вышло, что для меня он был Аароном намного дольше, чем для всех Уорнером.

– Я продолжу звать его Уорнером, – заявляю, приподняв одну бровь.

– Ну, от тебя, как мне кажется, он другого и не ждет.

– Отлично. Проехали. Так, по-твоему, мы его недооцениваем.

– Именно, – говорит она.

Теперь высказывается Нурия:

– Как именно?

Джей вздыхает, потом начинает объяснять, и в ее серьезных глазах проглядывает печаль.

– Андерсон – настоящее чудовище, он схватил десятилетнего ребенка и бросил его в тюрьму вместе с профессиональными солдатами. Насколько нам известно, он обращается с Джеймсом так же, как он обращается с Валентиной. Или с Леной. Или с Адамом. Степень бесчеловечности зашкаливает, я даже думать об этом не могу. Мне сложно такое осознать. Зато Аарон прекрасно все представляет. Он знает Андерсона – знает, как работает его мозг, – причем лучше любого из нас. И этим сведениям об Оздоровлении и, в частности об Андерсоне, нет цены. И что более важно: Джеймс – младший брат Аарона. И если кто-то и понимает, что такое быть десятилетним ребенком, которого мучает Андерсон, так это Аарон. – Она поднимает голову и смотрит прямо в глаза Касла. – Как вы могли подумать, что его надо избавить от этого разговора? Как вы могли подумать, что это хорошая мысль? Как могло прийти в голову, что он не самое заинтересованное лицо? Он просто убит горем.

И тут же, как по волшебству, из ниоткуда в дверях возникает Уорнер. Я моргаю. Хлоп, и за ним входит Назира. Хлоп, и появляются Хайдер со Стефаном.

Так странно видеть этих ребят вместе, каждый – своеобразный научный эксперимент. Суперсолдаты. Они идут как один, высокие, горделивые, с идеальной осанкой и таким видом, что им принадлежит весь мир.

Что, подозреваю, недалеко от истины. Во всяком случае, для их родителей.

Вот дикость.

Каково это, когда тебя растят и учат, что мир принадлежит тебе и ты можешь делать, что пожелаешь? Наверное, Назира права. Наверное, мы абсолютно разные. Наверное, у нас все равно бы ничего с ней не вышло.

Назира, Стефан и Хайдер держатся на расстоянии, встав молча в сторонке, даже не помахав рукой, а Уорнер как шел, так и идет. Джелло ждет его посередине комнаты, и он притягивает ее к себе, заключает в объятия, словно они не виделись несколько дней. Еле сдерживаю рвотный позыв. Потом слышу, как она ему шепчет что-то про день рождения, и меня накрывает гигантская волна стыда.

Поверить не могу, что я забыл.

Прошлой ночью мы праздновали день рождения Уорнера чуть раньше положенного. А праздник на самом деле сегодня. Сегодня. Прямо сейчас. Утром.

Черт.

Я вытащил Джей из кровати в утро его дня рождения.

Кошмар, я и правда засранец.

Когда они разнимают объятия, Уорнер кивает, почти незаметно, и Назира, Стефан и Хайдер подходят к столу, занимая места рядом с Ианом, Лили, Бренданом и Уинстоном. Скромный дивизион, готовый к войне. Иногда сложно представить, что мы всего лишь кучка детей.

Вот никак не складывается такое ощущение. В особенности с этими четырьмя... уж чертовски они эффективны.

На Уорнере кожаная куртка. Я раньше его в такой не видел, и, кстати, непонятно почему. Ему идет. Очень интересный замысловатый ворот, а черная кожа ярко контрастирует с золотистыми волосами. Однако чем больше я об этом думаю, тем больше сомневаюсь, что куртка его. Когда мы приземлились, вещей у нас с собой не было, поэтому догадываюсь, что Уорнер позаимствовал куртку у Хайдера. На последнем очередная, свойственная только ему рубашка-кольчуга, а сверху накинуто тяжелое шерстяное пальто. Хотя, конечно, все это не идет ни в какое сравнение со Стефаном, тот вообще нацепил пиджак с золотой россыпью, похожий на змеиную кожу.

Экстравагантно.

Здесь, среди нормальных по меркам этого мира людей, которые не надевают кольчугу на завтрак, парни похожи на пришельцев. Хотя, надо заметить, даже на мой вкус Хайдер с увешанной металлом грудью выглядит как воин, а золотистый пиджак прекрасно оттеняет темную кожу Стефана. Только вот кто продает такую фигню? Какие-то межпланетные костюмы. Я, конечно, понятия не имею, в каких магазинах они отовариваются, но почему-то кажется, что не в тех, где надо. Вот опять, черт побери, куда я лезу? Сам-то годами ношу одни и те же драные штаны и рубашки. Мои собственные вещи всегда линялые, плохо заштопанные и, чего уж кривить душой, сильно малы. Я считал бы себя счастливым, будь у меня хорошее зимнее пальто и приличная пара ботинок. Это уж точно.

– Кенджи?

Вздрагиваю, слишком поздно понимая, что снова увлекся своими мыслями. Кто-то ко мне обращается. Кто-то назвал меня по имени. Верно? Я смотрю на лица друзей, надеясь хоть что-то понять. Увы. Беспомощно поднимаю взгляд на Джей, а она улыбается.

– Назира, – поясняет она, – задала тебе вопрос.

Черт.

Назиру я игнорировал. Нарочно. Я считал, причина ясна. Я считал, мы поняли друг друга, считал, мы пришли к молчаливому соглашению и будем делать вид, что незнакомы, забудем ту чушь, которая вырвалась у меня прошлой ночью, и притворимся, что от ее прикосновения у меня не приливает кровь туда, куда не надо.

Разве не так?

Ну, ладно.

Черт.

Неохотно к ней поворачиваюсь. Она снова в своем кожаном капюшоне, поэтому видны лишь губы, и это нечестно, ой как нечестно. Губы у нее изумительные. Пухлые. Сладкие.... Черт. Не хочу на них смотреть. То есть хочу на самом деле. И не хочу. Не важно. Тяжко от того, что мне приходится смотреть на ее губы, а капюшон скрывает глаза, и значит, я понятия не имею, о чем она сейчас думает, злится ли она еще на меня за те слова.

А потом...

– Я задала вопрос. Ты что-то заподозрил? – повторяет Назира. – Я говорю о Джеймсе. И Адаме.

Как я все прослушал? Сколько, интересно, я пялился в никуда, размышляя о том, где закупается Хайдер?

Бог мой.

Да что со мной творится?

Я чуть встряхиваю голову, надеясь прочистить мозги.

– Д-да... Я заволновался, когда не увидел здесь ни Адама, ни Джеймса. И всем об этом твердил. – Я одариваю каждого из своих никуда не годных друзей гневным взглядом. – Но никто меня не слушал. Все решили, что я чокнулся.

Назира снимает капюшон, и впервые за утро я вижу ее лицо. Испытующе смотрю ей в глаза, однако там ничего. У нее абсолютно нейтральное выражение. Ничто, ни в ее тоне, ни в позе не подсказывает мне истинный ход ее мыслей.

Ничто.

Вдруг она еле заметно прищуривает глаза.

– Так ты всем об этом твердил?

– Ну, то есть... – Я моргаю, не зная, как продолжить, – да, сказал, пару раз... кое-кому.

– И мы не попали в их число? – Она обводит рукой группку наемных солдат. – Ты не сказал ни Элле, ни Уорнеру. И остальные тоже ничего не знали.

– Касл посчитал, что я не должен вам говорить, ребята, – оправдываюсь я перед Джей и Уорнером, переводя взгляд с одного на другого. – Он хотел, чтобы вы хорошо провели вечер.

Джей собирается что-то сказать, Назира ее прерывает.

– Да, я понимаю, но он разве просил тебя ничего не сообщать Хайдеру или Стефану? Мне? Ведь Касл не велел тебе придержать свои подозрения и не делиться ими с нами?

Ее голос звучит абсолютно ровно. Ни злости, ни намек на раздражение... но все вдруг к ней развернулись. Хайдер приподнял брови. И даже Уорнер, похоже, заинтригован.

Очевидно, такое поведение Назире не свойственно.

Тут я вновь ощущаю невыносимую усталость.

И почему-то уверен, что все – конец. Жизнь завершилась. Больше подпитки не предвидится. Не будет ни злости, ни всплеска адреналина, чтобы протянуть еще минутку. Пытаюсь что-то сказать, однако все провода в мозгу разомкнуты, их схемы изменены.

Открываю рот. Закрываю.

Молча.

Усталость охватывает меня так яростно и жестоко, что мне кажется, будто трескаются кости, плавятся глаза, а я смотрю на происходящее сквозь целлофан. Все вокруг приобретает чуть металлический отблеск, зеркальный и размытый. Впервые мне приходит мысль...

Что это не обычная усталость...

Хотя уже слишком поздно. Слишком поздно осознавать, что я, скорее всего, не просто очень сильно устал.

Черт возьми, кажется, за мной пришла смерть.

Что-то говорит Стефан. Я не слышу.

Что-то говорит Назира. Я не слышу.

Какая-то часть моего мозга, еще способная функционировать, твердит мне: «Возвращайся в комнату, умри спокойно», но, когда я пытаюсь сделать шаг, то спотыкаюсь.

Странно.

Я делаю еще один шаг, и теперь все хуже. Ноги заплетаются, я почти падаю, в последний момент удержавшись в вертикальном положении.

Все идет наперекосяк.

Звуки в голове становятся громче. Я не могу полностью открыть глаза. Воздух вокруг кажется плотным – сжиженным, я пытаюсь сказать, что мне плохо, – не выходит. Мне холодно. Меня бросает в зябкий жар.

Стой. Это неправильно.

Я хмурюсь.

– Кенджи?

Слово доносится будто издалека. Будто из-под воды. Глаза мои закрыты, и кажется, что так будет всегда. А потом... Какой-то другой запах. Что-то грязное, влажное и холодное. Странно. Щекочет мне лицо. Трава? Откуда на моем лице взялась трава?

– *Кенджи!*

Эй. Эй. Мне не нравится. Кто-то меня трясет, сильно, так что мозги грохочут в черепной коробке, и что-то, какой-то древний инстинкт поддевает рычагом заржавевшие шарниры моих век, заставляя их раскрыться. Когда я пытаюсь сосредоточиться, ничего не выходит. Картинка размытая, размазанная, словно каша на тарелке.

Кто-то кричит. Или кто-те... Постой-ка, а как сказать «кто-то» во множественном? Наверное, впервые так много людей одновременно зовут меня по имени. Кенджи кенджи кенджи кенджикенджикенджи

Пытаюсь засмеяться.

А потом вижу ее. Она здесь, передо мной. Боже, какой приятный сон. Но она, правда, передо мной. Гладит мое лицо. Я чуть поворачиваю голову, прижимаюсь щекой к нежной, мягкой ладони. Восхитительные ощущения.

Назира.

Чертовски красива, как по мне.

А потом... я улетаю.

Падаю в невесомость.

Глава 8

Я открываю глаза и вижу пауков.

Глаза и лапы, глаза и лапы, глаза и лапы... повсюду. Увеличены в масштабах. Крупным планом. Тысячи лап тянутся ко мне со всех сторон.

Я снова закрываю глаза.

Есть хорошая новость – я пауков не боюсь, иначе орал бы тут как резаный. Я с ними жить научился. Я проживал с ними в приюте, на ночных улицах, под землей в «Омеге пойнт». Они прятались у меня в ботинках, под кроватью, ловили мушек в углах моей комнаты. Обычно я их вытаскивал на улицу, никогда не убивал. У нас взаимопонимание, у меня и пауков. Мы крутые.

Только раньше я пауков никогда не слышал.

А эти какие-то громкие. Вокруг нестройный шум, сильный гул, пульсирующая бессмыслица, которую не разбить на составляющие звуки. Потом, хотя и медленно, что-то начинает вычленяться. Приобретать форму.

Я понимаю, что слышу голоса.

– Ты прав, странно, – произносит кто-то. – Очень странно, что побочное действие проявилось спустя столь долгий промежуток времени... но такое бывает.

– Это не выдерживает никакой критики....

– *Назира*... – Похоже, Хайдер. – Они местные целители. Уверен, они бы знали, что...

– Мне плевать, – резко реагирует она. – Я не согласна. Кенджи был в порядке последние пару дней, иначе я бы узнала. Я находилась рядом с ним. Ваш диагноз – полная чушь. Несерьезно предполагать, что на него так повлияли наркотики, которые дали ему несколько дней назад. Истинная причина явно в чем-то другом.

Повисает долгое молчание.

В конце концов слышу чей-то вздох.

– Наверное, трудно поверить, но мы не занимаемся волшебством. Мы имеем дело с настоящей наукой. Мы способны, при определенных условиях, излечить больного или раненого. Мы можем восстановить плоть и кости, восполнить кровопотерю, но мы почти бессильны при... например, пищевых отравлениях. При похмелье. Или хронической усталости. Есть еще много болезней, которые мы пока не умеем лечить. – Это, видимо, Сара. Или Соня. Или обе. Я не всегда различаю их голоса.

– А сейчас, – говорит одна из них, – хотя мы старались изо всех сил, у Кенджи в крови еще остаются наркотики. Тело должно само справиться.

– Но... Явно же есть хоть что-то...

– Последние тридцать шесть часов Кенджи держался исключительно на адреналине, – объясняет одна из близнецов. – Эти скачки истощили его организм, а отсутствие сна сделало более чувствительным к действию тех веществ.

– Он поправится? – спрашивает Назира.

– Если не будет спать, нет.

– Что вы хотите сказать? – Джей. Джелла. Джелло. Ее голос. И он звучит испуганно. – Насколько все серьезно? Сколько времени уйдет на выздоровление?

Мозг продолжает включаться, и я понимаю, что близнецы говорят друг за другом, дополняя мысли и фразы, поэтому кажется, говорит только один человек.

– (*Сара*) Мы не знаем точно.

– (*Соня*) Возможно, часы, возможно, дни.

– *Дни?* – снова вступает Назира.

– (Сара) Может, и не дни. Все зависит от иммунной системы. Он молод, проблем со здоровьем нет, поэтому шансы прийти в норму очень высоки. Но присутствует сильное обезвоживание.

– (Соня) И ему надо поспать. Не впасть в забытие от лекарств, а поспать по-настоящему, чтобы восстановиться. Лучшее, что мы можем, – помочь ему справиться с болью и оставить в покое.

– Зачем вы с ним так поступили? – Касл. *Он здесь*. Голос такой строгий. Аж жуть. – Это было необходимо? Честно?

Тишина.

– *Назира*. – Теперь уже Стефан.

– На тот момент, – тихо отвечает Назира, – мне казалось, да.

– Ты могла ему просто все объяснить. – Снова Джей, и она, похоже, злится. – Не надо было его накачивать. Он вел бы себя прилично в самолете, если бы ты объяснила ему, что происходит.

– Ты не знаешь. Тебя, Элла, там не было. Я не могла так рисковать. Если бы Андерсон заподозрил, что Кенджи на борту – если бы Кенджи хоть пикнул, – мы все уже были бы мертвы. Я не могла полагаться на то, что он будет сидеть как мышь, без звука, без движения, целых восемь часов. Это был единственный выход.

– Но если бы ты знала его достаточно хорошо, – возражает Джей, и гнев в ее голосе сменяется отчаянием, – если бы ты имела хоть малейшее представление, что значит сражаться с Кенджи плечом к плечу, ты бы никогда не посчитала его обузой.

Я хочу улыбнуться.

Джей всегда придет на выручку. Всегда поддержит.

– Кенджи, – продолжает она, – не сделал бы ничего, что могло поставить миссию под удар. Он был бы ценным союзником. Он мог бы тебе помочь, больше, чем ты думаешь. Он...

Кто-то закашлялся, причем громко, и я расстроился. Мне речь очень понравилась. Я прямо наслаждался.

– Мне кажется... – Снова кто-то из близнецов. Сара. – Мне кажется, не стоит искать виноватых. Не сейчас. И уж точно не в этом случае.

– На самом деле... – Соня вздыхает, – мы считаем, новость о Джеймсе стала последней каплей.

– Что? – Снова Назира. – Почему?

– (Сара) Кенджи любит Джеймса. Очень сильно. Мало кто понимает, насколько они близки...

– (Соня)... мы же видели это ежедневно. Какое-то время мы с Сарой работали с Джеймсом, учили его пользоваться своими целительными силами. И Кенджи всегда был рядом. Всегда проверял, все ли в порядке. У них с Джеймсом особая связь.

– (Сара) А когда ты так переживаешь, когда так напуган, чрезмерный стресс может сильно навредить иммунной системе.

Вот как. Получается, моя иммунная система полетела ко всем чертям.

Даже если и так, по-моему, мне становится лучше. Я не только различаю их голоса, но еще понимаю, что из руки торчит иголка, из-за чего та ужасно болит.

Наверное, так вливают физраствор.

Я пока не могу открыть глаза, зато могу попробовать заговорить. К несчастью, в горле пересохло. И свербит. Словно наждачкой потерли. Законченные предложения даются слишком тяжело, хотя спустя минуту умудряюсь прохрипеть три слова:

– Я в норме.

– *Кенджи*. – Чувствую, как Касл бросается вперед, берет меня за руку. – Хвала небесам. Мы так беспокоились.

– Понятно. – Мой голос все еще звучит странно. – Как пауки.

В комнате становится тихо.

– О чем это он? – раздается чей-то шепот.

– Наверное, надо дать ему отдохнуть.

Точно. Отдохнуть.

Я так устал.

Не могу двинуть ни рукой, ни ногой. Не могу выдавить из себя ни слова. Словно утопаю, проваливаясь в матрас.

Голоса постепенно тают, медленно превращаясь в слитный, тянущийся звук, который громогласно и болезненно посягает на мои уши, а потом...

Ничего.

Тихо.

Темно.

Глава 9

Сколько времени прошло?

Воздух кажется свежее, насыщеннее. Я пытаюсь сглотнуть, и на сей раз боли нет. Вглядываясь в окружающее меня пространство через щелочки глаз – памятуя о наличии пауков – и обнаруживаю, что я один.

Приоткрываю глаза чуть шире.

Я думал, проснусь в медицинской палатке, и с удивлением – и, как мне кажется, облегчением – вижу, что я в своей комнате. Все вокруг замерло. Притихло. За исключением одного: прислушавшись, можно различить, как где-то вдалеке – что весьма неожиданно – стрекочут сверчки. Я не слышал сверчков уже, наверное, лет десять.

Странно.

Чувствую я себя сейчас в тысячу раз лучше, чем до... когда это было? Неужели вчера? Не знаю. Не важно. Честно могу сказать, что мне сейчас на порядок лучше, словно я вновь стал собой. Истинная правда, ведь я осознаю, что голоден. Поверить не могу: у меня был шанс съесть тот торт, а я его упустил. Видимо, совсем не соображал.

Я приподнимаюсь на локтях.

Немного сбивает с толку, когда просыпаешься не там, где засыпал, однако уже через пару минут я начинаю припоминать комнату. Шторы по большей части задернуты, лунный свет просачивается сквозь крохотную щелочку, отбрасывая по всему помещению серебряные лучи и тени. Я провел в этом месте не так много времени, потом как-то сразу все полетело под откос. Интерьер здесь простой и ничем не примечательный. И то, что у меня нет личных вещей, делу явно не помогает. Все какое-то холодное. Чужое. Все мои пожитки, даже зубная щетка, на самом деле не мои. Я оглядываю комнату, вижу выключенный монитор возле кровати, висящую рядом пустую капельницу, на своем предплечье свежую повязку, наложенную на новый синяк, и понимаю: кто-то, должно быть, решил, что я в порядке. Поправлюсь.

Просто камень с души.

Только как же еда?

В зависимости от того, который сейчас час, для трапезы может оказаться поздновато. Сомневаюсь, что столовая работает всю ночь. Желудок бунтует против такой мысли. Хотя, надо заметить, не бурчит. Просто болит. Привычное чувство, ни с чем не перепутать. Острые, вынимающие душу приступы голода неизменны.

Мы знакомы почти всю мою жизнь.

Боль вдруг вернулась, причем весьма настойчиво, так, что сложно не заметить. Ничего не остается, надо пойти и раздобыть чего-нибудь. Хоть что-то. Хоть кусочек черствого хлеба. Не помню, когда в последний раз ел нормальную пищу. Возможно, в самолете, незадолго до крушения. Я точно хотел поужинать еще в ту первую ночь, когда мы оказались в Прибежище, однако нервы были совсем ни к черту, желудок скукожился и приказал долго жить. Подозреваю, с той поры я и голодал.

Это надо исправить.

Подталкиваю себя. Необходимо перенастроиться. В последнее время я позволил себе потерять ориентиры, что непозволительно. Слишком много дел. Слишком много людей от меня зависят.

Джеймсу я в таком состоянии не помогу.

К тому же есть много всего, за что я должен быть благодарным. Прекрасно это осознаю. Только надо напоминать иногда. Итак, я, успокаиваясь, делаю глубокий вдох и заставляю себя сосредоточиться. Вспомнить.

Произнести вслух: *я благодарен.*

За одежду на плечах и безопасность этого места. За друзей, за импровизированную семью, за то, что осталось от моего здоровья и душевного равновесия.

Я закрываю голову руками и произношу это вслух. Широко расставляю ноги, чтобы крепко стоять на полу, и говорю это вслух. И когда я, тяжело дыша, пропотев не на шутку, наконец-то собираю себя по кусочкам, то упираюсь руками в стену и шепчу:

– Я благодарен.

Я найду Джеймса. Найду и его, и Адама, и всех остальных. Я все исправлю. Должен, даже если попытка будет стоить мне жизни.

Поднимаю голову и отхожу от стены, осторожно, чтобы не упасть, ступая по холодному полу. И вздыхаю с облегчением, когда понимаю: я достаточно окреп и могу стоять без поддержки. Перво-наперво надо принять душ.

Хватаю рубашку за подол и стягиваю ее через голову, но как только ворот касается лица, временно лишая меня зрения, рукой... задеваю что-то.

Кого-то.

Отрывистый, испуганный вдох служит доказательством, что в комнате незваный гость.

Меня одновременно накрывают и страх, и злость, они оглушают, и я чувствую легкое головокружение.

Хотя сейчас явно не время.

Срываю с себя рубашку, швыряю ее на пол и поворачиваюсь, адреналин бьет ключом. Хватаю спрятанный в штанине, пристегнутый к внутренней стороне икры полуавтоматический пистолет, и мгновенно, за гранью человеческих возможностей, натягиваю ботинки. Потом крепко обхватываю рукоять пистолета и отточенным жестом поднимаю руки, увереннее, чем мне кажется самому.

Но в комнате очень темно. Слишком много укромных мест.

– Выходи, – кричу я. – Сейчас же.

Дальше все как в тумане. Я почти ничего не вижу, зато чувствую. Ветер, создавая воздушную арку, закручивается в мою сторону, и каким-то образом, каким-то невероятным образом пистолет оказывается на полу. В другом конце комнаты. А я пялюсь на свои раскрытые, пустые ладони. В шоке.

Есть лишь секунда на принятие решения.

Хватаю ближайший стул, разбиваю его об стену. Одна из ножек легко отламывается, и я поднимаю ее высоко перед собой, точно биту.

– Что тебе нужно? – задаю я вопрос, приспособив тем временем руку к своему импровизированному оружию. – Кто тебя по...

И тут прилетает пинок.

Тяжелый ботинок с плоской подошвой сильно припечатывает меня промеж лопаток, ударяет с достаточной силой, чтобы я потерял равновесие и сбилось дыхание. Приземляюсь на четвереньки, голова идет кругом. Я еще очень слаб. Моей скорости недостаточно, даже близко.

Когда я слышу, как открывается дверь, меня поднимает на ноги нечто более сильное, чем я сам: некая преданность, ответственность за людей, которых я люблю и которых надо защитить. Косые лунные лучи, проникшие через открытую дверь, высвечивают пистолет, он все еще на полу, и за считанные секунды я хватаю его, умудрившись добраться до двери до того, как она захлопнется.

Замечаю в темноте какой-то проблеск и без раздумий...

Стреляю.

Понимаю, что промазал, когда слышу вдалеке глухой звук соприкасающихся с землей ботинок. Мой нападавший в бегах и удаляется с чрезмерной для раненого скоростью. Вокруг еще темно, дальше собственных ног ничего не видать – фонари выключены, а месяц тощий, –

зато тишина идеальная, и я могу различить в отдалении чьи-то осторожные шаги. Чем ближе я подбираюсь, тем легче распознавать движения моего соперника, однако и тяжелее что-то услышать: все перебивает звук моей собственной одышки. Как я еще не упал, сам не знаю. Времени остановиться и подумать над этим нет. В голове почти пусто, только одна мысль:

Задержать незваного гостя.

Боюсь даже предположить, кто он. Шанс, что это всего лишь случайность, что какой-то мирный житель забрел в наш лагерь, невероятно мал. А учитывая то, что рассказали об этом месте Нурия и Сэм, почти полностью исключен.

Намного более вероятным представляется следующее: кто бы это ни был, он – один из людей Андерсона. Пожалуй, что так. Его, скорее всего, послали, чтобы скрутить оставшихся из детей главнокомандующих... а может, побродить ночью по палаткам и разузнать, кто внутри. Уверен, он не ожидал, что я проснусь.

От следующей мысли меня аж передергивает, я почти спотыкаюсь. *А вдруг он уже добрался до Джей?*

Не позволю.

Понятия не имею, как кто-то – пусть даже один из людей Андерсона – смог пробраться в Прибежище, однако если считать, что сей факт установленный, тогда это вопрос жизни и смерти. Не знаю, что произошло, пока я полумертвый валялся в своей комнате, но в мое отсутствие ситуация, похоже, обострилась. Надо поймать засранца, иначе все наши жизни окажутся под угрозой. А если Андерсон заполучит то, что хочет получить, причин оставлять в живых Джеймса с Адамом у него больше не будет. Если они еще живы.

Придется его догнать. И не важно, насколько я слаб. Выбора нет. Совсем.

Я заставляю себя бежать, рву быстрее вперед, от усилий горят и ноги, и легкие. Кто бы он ни был, подготовка у него превосходная. Непросто признавать собственное несовершенство, но не могу отрицать: единственная причина, по которой я так далеко зашел, это время суток – ночью стоит столь зловещая тишина, что даже еле слышные звуки кажутся громкими. А тот парень, кто бы он ни был, умеет бегать быстро, по-видимому, без остановок, и практически бесшумно. Если бы мы были в другом месте и в другое время, вряд ли я смог бы его отследить.

Но в связке со мной работают ярость и негодование.

Когда мы вбегаем в плотный, душающий лесок, я решаю, что очень, очень сильно ненавижу того парня. Лунный свет сюда почти не проникает, и обнаружить беглеца практически невозможно, даже если я подойду достаточно близко. Когда же наше дыхание синхронизируется, а шаги подстраиваются под общий ритм, я понимаю, что нагнал его. Мой соперник, должно быть, тоже это ощущает, потому что я чувствую, как он отрывается, набирая скорость с прытью, внушающей мне священный трепет. Я отдался погоне целиком и полностью, а этот парень, очевидно, просто развлекался. Так, прогуляться вышел.

Черт!

Ничего не остается, как играть нечестно.

Стрелок из меня не ахти, особенно на бегу, особенно по движущейся цели, которую не видно – умоляю, я же не Уорнер, так что сгодится все, даже мой детский план.

Я швыряю пистолет. Изо всей мочи. Вкладываю все оставшиеся силы.

Бросок выходит хороший, добротный. Мне нужно, чтобы он лишь споткнулся. Единственный миг, секундное замешательство. Что угодно, что дало бы мне фору.

И когда я слышу резкий, удивленный вдох... то с криком бросаюсь вперед и заваливаю его на землю.

Глава 10

– Какого... черта?

У меня, должно быть, глюки. Уж *лучше бы* это были глюки.

– Прости меня, прости, боже мой, пожалуйста, прости...

Пытаюсь подняться. Сил встать на ноги почти нет, потому что я бросился вперед на последнем издыхании и практически вырубился. Все же как-то умудряюсь пододвинуться чуть в сторонку. Ощувив кожей влажную траву, вспоминаю, что без рубашки.

Ругаюсь во весь голос.

Хуже точно не будет.

А потом мой мозг за долю секунды догоняет тело, и понимание – осознание – накрывает с такой бешеной силой, что блокирует все остальные мысли. Захлестывает злость, горячая и дикая, и этого достаточно, чтобы я отлетел вверх и в сторону, подальше от нее. Падаю на спину и больно стучаюсь головой о пень.

– Вот су... – обрываю себя злобным криком.

Назира отползает назад.

Она сидит на земле, глаза дикие, волосы, выбившись из-под заколки, растрепались. Никогда не видел ее такой испуганной. Никогда не видел такой скованной. Ее страдальческий взгляд чуть смягчил мою злость.

Правда, всего лишь капельку.

– *Ты совсем, что ли, рехнулась?* – ору я. – Какого черта тут устроила?

– Господи, мне так жаль. – Она прячет лицо в ладонях.

– Жаль? – Я не перестаю кричать. – Тебе жаль? Я мог тебя *убить*.

Даже теперь, даже в такой ужасный, невероятный миг у нее хватает наглости посмотреть мне прямо в глаза и заявить:

– Ну это вряд ли.

Вот что прикажете делать с этой женщиной?

Ни единой, черт, мысли.

– Я... я даже не... – сбиваюсь я, пытаюсь подобрать слова. – Есть куча причин, по которым тебе надо бежать за билетом в один конец, куда-нибудь на Луну, даже не знаю, с какой начать. – Провожу руками по волосам, горстями зачерпывая пряди. – О чем ты только *думала*? Зачем... зачем...

Тут до меня доходит. В сердце закрадывается холодное, мерзкое ощущение, и я опускаю руки. Поднимаю на нее взгляд.

– Назира, – тихо спрашиваю я. – Зачем ты прокралась в мою комнату?

Она подтягивает колени к груди. Закрывает глаза. И лишь когда полностью прячет от меня лицо – когда прижимает лоб к коленям – произносит:

– Наверное, это самый неловкий момент за всю мою жизнь. Честно.

Я чуть расслабляюсь. Смотрю на нее в упор, изумленно, растерянно. И злобно... никогда еще не чувствовал себя таким злым.

– Не понимаю.

Она качает головой. Просто качает головой.

– Ты не должен был проснуться. Я думала, ты проспишь всю ночь. Я просто хотела проверить, как ты. Хотела убедиться, что ты в порядке, потому что я во всем виновата и мне было так... так плохо...

Открываю рот. Слова не идут.

– ...но потом ты проснулся, и я не знала, что делать. – Назира наконец-то поднимает голову. – Я не... не знала...

– Вранье, – обрываю ее. – Как это ты не знала, что делать? Если ты действительно пришла ко мне в комнату, потому что беспокоилась о моем благополучии, могла бы просто сказать «привет», как нормальный человек. Сказала бы что-то типа: «О, привет, Кенджи, это я, Назира! Пришла убедиться, что ты не помер!» А я бы ответил: «Надо же, спасибо тебе, Назира, очень мило!» А ты бы...

– Все не так просто, – возражает она, снова покачивая головой. – Знаешь... Для меня все не так просто...

– Точно, – злюсь я. – Ты права. Все не так просто. – Я поднимаюсь на ноги, стряхиваю грязь с рук. – И знаешь почему? Знаешь, почему все не так просто? Потому что не сходится. Говоришь, пришла проверить мое состояние – вроде как беспокоишься о моем здоровье, – однако при первом же удобном случае шарахаешь больного человека по спине, толкаешь на пол, потом заставляешь полуголым гнаться за тобой по лесам. Ну уж нет. – Внутри меня снова разгорается злоба. – Меня не проведешь. Мое здоровье тебе до лампочки. Ты... – Я тыкаю в нее пальцем. – Ты что-то задумала. Сначала наркотики в самолете, теперь это. Да ты пытаешься меня убить, только я не понимаю почему. Что такое? Не получилось завершить работу с первого раза? Пришла удостовериться, что я мертв? Так дело было?

Назира медленно встает на ноги, однако в глаза мне не смотрит.

Молчит, что сводит меня с ума.

– Мне нужны ответы, – кричу я, и от злости меня трясет. – Говори. Хочу знать, какого черта ты творишь. Хочу знать, почему ты здесь. Хочу знать, на кого ты работаешь. – Следующие слова я ору практически во все горло: – *И хочу знать, какого черта ты делала ночью в моей комнате?*

– Кенджи, – тихо произносит она. – Мне жаль. Но я в этом не сильна. Это все, что я могу тебе сказать. Мне жаль.

От такого нахальства я теряю дар речи, меня даже передергивает.

– Мне, честно, жаль, – снова повторяет она. И начинает пятиться. Медленно, но все же... Я уже видел, как бежит эта девчонка. – Дай мне просто уйти и умереть где-нибудь в уголке от унижения. Мне очень жаль.

– *Стой.*

Она замирает.

Пытаюсь восстановить дыхание. Не получается. Грудь все еще ходит ходуном. Я прошу:

– Просто скажи правду.

– *Я сказала.* – В ее глазах мелькают всполохи гнева. – Я в этом не сильна, Кенджи. Я в этом не сильна.

– Ты о чем? Понятно же, что сильна, и еще как. Убивать людей – это же типа дело всей твоей жизни.

Назира смеется, смеется несколько истерично.

– Ты помнишь, – говорит она, – когда я сказала тебе, что ничего не получится? – Она делает знакомый жест рукой, показывая на нас обоих. – Ты помнишь тот день?

Во мне запускаются какие-то подсознательные, животные инстинкты, которые я не в состоянии контролировать, все тело пронзает жгучая игла страсти. Даже в такой момент.

– Да, – признаюсь я. – Помню.

– Об этом, – повторяет она, размахивая руками, – об этом я и говорила.

Хмурюсь. Кажется, я совсем потерял нить разговора.

– Я не... – Снова морщу лоб. – Не понимаю.

– *Об этом.* – В ее голосе явственно слышен надрыв. – Этом. Ну, об этом! Ты не понимаешь. А я не знаю, как... И не буду, ладно? Никогда. Я пыталась тебе объяснить тогда, что я не... Но теперь... – Она обрывает себя на полуслове и качает головой. Отворачивается. – Пожалуйста, не заставляй меня это произносить.

– Что произносить?

– Что ты... – Заминка. – Что это...

Я жду и жду, стою тихо, Назира молчит.

– Что я? Что это?

Наконец она вздыхает. И смотрит мне прямо в глаза.

– Ты – первый парень, с которым я целовалась.

Глава 11

Я мог бы годами силиться понять, о чем она мне говорила, и так никогда бы и не понял. Никогда.

Сказать, что я потрясен или обалдел – ничего не сказать.

Однако все, что я в состоянии придумать...

– Врешь.

Она качает головой.

– Но...

Она продолжает качать головой.

– Тогда не понимаю...

– Ты мне нравишься, – тихо произносит она. – Сильно.

На меня что-то находит... и это пугает. Прилив чувств. Будто задело языком пламени.

Радость.

И тут же отрицание, отрицание, быстрое и жесткое.

– Бред.

– Вовсе не бред, – шепчет она.

– Ты пыталась меня убить.

– Нет, – отрицает она, понунив голову. – Ты мне не безразличен.

Мне остается лишь смотреть на нее. Озадаченно.

– Тогда, в самолете, я немного превысила дозировку, потому что очень переживала: ты придешь в себя, нарвешься, и тебя убьют, – объясняет она. – А в комнату пришла, потому что хотела убедиться, что с тобой все в порядке. Когда ты проснулся, я запаниковала и применила невидимость. Потом ты начал говорить, и то, что ты сказал, было так прекрасно, и я просто... – Она качает головой. – Даже не знаю. Если честно, мне нет оправданий. Я не ушла, потому что не хотела уходить. Стояла там и наблюдала, словно помешанная, а когда ты меня поймал, почти умерла со стыда, чуть тебя не убила.

Она закрывает лицо руками.

– Что я делаю... сама не понимаю. – Она так быстро и тихо говорит, что мне приходится подойти ближе, чтобы расслышать ее слова. – Я отлично подготовлена к абсолютно любой стрессовой ситуации, которую может подкинуть жизнь, но совсем не знаю, как правильно обмениваться положительными эмоциями. Мне не показывали. Никогда. Ни разу не объясняли, как это делать. И в результате я этого вовсе избегала.

Наконец-то она поднимает на меня взгляд.

– Я всегда избегала того, в чем не разбираюсь. А уж... Отношения? Физическая близость? Даже не... Увольте. Никогда. Ни с кем. Столько хлопот. Все так запутанно. Столько условностей, столько ненужной информации надо отфильтровать и разобрать. К тому же в моей жизни встречались по большей части либо придурки, либо трусы, либо и то и другое. Искренностью там и не пахло. Такие никогда не признаются, что думают на самом деле. Они все ввали мне прямо в глаза, – вздыхает она. – Кроме тебя, конечно.

– Назира...

– Пожалуйста, – ласково просит она. – Это так унижительно. И если с тобой все в порядке, я не хочу затягивать разговор. Клянусь, с завтрашнего дня я не стану тебе докучать. Буду держать дистанцию. Обещаю. Мне очень жаль, что я сделала тебе больно. Удар получился сильным случайно.

И она уходит.

Круто разворачивается и удаляется. А меня накрывает чувство, очень похожее на панику.

– Подожди! – прошу я.

Она замирает.

Бегу за ней, хватаю за запястье и разворачиваю. Она кажется удивленной, потом явно сомневается, а я задаю мучивший меня вопрос.

– Почему я?

– В смысле? – напрягается она.

– Ну, то есть... в тот день, когда ты меня поцеловала. Ты же сама меня выбрала. Чтобы я стал первым.

Задумавшись на секунду, она утвердительно кивает.

– Так почему? – повторяю я. – Почему ты выбрала меня?

Внезапно ее глаза теплеют. Плечи расслабляются.

– Потому что, – тихо говорит Назира, – ты, наверное, лучший из всех людей, что я встречала.

– Ого.

Я глубоко и нервно вздыхаю, однако кислорода все равно не хватает. На меня хлынули жаркие чувства, так стремительно, что я и позабыл, что замерз.

Мне кажется, я сплю.

– Кенджи?

Да скажи уже что-нибудь, осел ты этакий.

Она тоже вздыхает, разбавляя тишину. А потом утыкается взглядом вниз, в пяточок земли между нами.

– Мне правда очень, очень жаль, что я тебя так ударила. Болит?

Яжимаю плечами, потом корчу рожу.

– Скорее всего, утром не смогу ходить.

Она поднимает глаза. В них видны искорки смеха.

– Не смешно, – говорю я, тоже расплываясь в улыбке. – Это было ужасно. И... боже, – восклицаю я, внезапно почувствовав себя нехорошо, – я пытался тебя застрелить.

Она смеется.

Смеется! Словно я выдал крутую шутку.

– Я серьезно, Назира. Я ведь мог тебя убить.

Ее улыбка гаснет, когда она понимает, что я говорю серьезно. А потом пристально смотрит на меня.

– Исключено.

Я закатываю глаза и не могу удержаться, чтобы не выдавить улыбку от такой самоуверенности.

– Знаешь, – ласково начинает она, – где-то в глубине души, думаю, я очень надеялась, что ты меня догонишь.

– Правда?

– Правда, – шепчет она. – Иначе, почему я просто не улетела?

Мне понадобилась секунда на обдумывание сказанного.

А потом...

Черт возьми.

А ведь она права. Эта девчонка всегда на шаг впереди.

– Эй.

– Что?

– Ты совсем чокнутая?

– Ну да, – со вздохом отвечает она.

И по какой-то причине, уму непостижимо...

Я улыбаюсь.

Потом очень осторожно протягиваю руку, провожу кончиками пальцев по ее щеке. Она трепещет от моего прикосновения. Закрывает глаза.

Сердце перестает биться.

– Назира, я...

Дикий, пронзительный, душераздирающий крик резко прерывает романтический момент.

Глава 12

Мы с Назирой быстро обмениваемся взглядами и бросаемся бежать. Я мчусь за ней через лес к источнику шума, однако как неожиданно крик раздался, так же неожиданно мир затих. Мы в недоумении резко тормозим, почти падая на ходу. Назира поворачивается ко мне с широко распахнутыми глазами.

Она ждет. Прислушивается.

Потом вдруг выпрямляется. Не знаю, что она там услышала, я вот ничего. Хотя уже понял, что девчонка-то из лиги явно повыше моей, а я понятия не имею, какими еще навыками она обладает. И на что еще способна. Зато точно знаю, что нет повода сомневаться в ее умственных способностях. Уж точно, если дело принимает столь дурной оборот.

Поэтому, когда она снова бежит, бегу следом. Мы движемся к самому началу, ко входу в лагерь Нурии. Тишину разрывают три последовательных крика. А потом неожиданно...

Еще по крайней мере сотня.

И тут до меня доходит, куда бежит Назира. Наружу. Из Прибежища, на незащищенную территорию, туда, где нас легче легкого найти, схватить и убить. Я медлю. Прежние сомнения провоцируют вопрос, не свихнулся ли я, как можно ей доверять...

– Кенджи, невидимость... *Быстро...*

И она исчезает. Я делаю глубокий вдох и следую ее примеру.

И практически сразу понимаю почему.

Вне защиты, наложенной на Прибежище, крики становятся громче, нарастая и приумножаясь. В темноте. Вот только здесь совсем не темно. Вернее, не здесь. Не совсем. Небо разверзлось, свет и тьма смешались, падают облака, деревья гнутся, мерцают, гнутся и мерцают. Земля под ногами морщится и трескается, куски дерна подлетают в воздух, дырявят все и ничего. А потом...

Плывет горизонт.

Солнце вдруг оказывается у нас под ногами – обжигающий, ослепляющий и разрушающий свет, похожий на молнию, когда та скользит по траве.

С такой же скоростью горизонт опять встает на место.

Вся сцена за гранью разумного.

Я не в состоянии это осмыслить. Переварить.

Какие-то люди пытаются бежать и не могут. Слишком истощены. Слишком обескуражены. Они делают пару шагов, и что-то вновь меняется, люди снова начинают кричать, каждый погружается то во тьму, то в свет, то во тьму, то в свет.

Рядом со мной возникает Назира. Мы вновь видимы. Теперь ясно: смысла прятаться нет. Не здесь. Не при таких условиях.

Она резко поворачивается и принимается бежать, и я уже знаю – она возвращается в лагерь.

Надо сообщить остальным.

Если только они уже не в курсе.

Вернуться мы не успеваем: я замечаю ее. Рядом со входом, на фоне хаотично разгулявшейся стихии...

Джильетта.

Она на коленях, руками зажимает виски. На лице написана мучительная боль, а рядом, скорчившись, сидит Уорнер, бледный, напуганный, руками держит ее за плечи и кричит. Что – мне не расслышать.

А потом...

Кричит она.

И я молю: «Только не это. Пожалуйста, боже, только не это».

Теперь все иначе. Теперь крик направлен вовнутрь. Он отражает боль, ужас, жалкое подобие предыдущего.

И на этот раз она отчетливо кричит:

– *Эмелина!* – кричит она. – Пожалуйста, не надо...

Вообрази меня

Для Тары Вейкум, за все эти годы

Элла Джульетта

Глубокой ночью я слышу птиц.

Слышу, вижу. Закрываю глаза и ощущаю их. Трепещут в потоках воздуха перья, крылья едва касаются моих плеч, когда птицы набирают высоту, когда они заходят на посадку. Звенят в ушах и разносятся эхом нестройные крики, звенят и разносятся...

Сколько их?

Сотни.

Белые птицы, белые с золотыми макушками вроде короны. Они летят. Парят в небе. У них сильные, прочные крылья, они – хозяйева своей судьбы. Когда-то эти птицы вселяли в меня надежду.

Давно, в прошлом.

Зарываюсь лицом в подушку, нахлынувшие воспоминания заставляют впиваться пальцами в ее хлопчатобумажную плоть.

– Тебе они нравятся?

Мы в большой просторной комнате, где разит нечистотами. Повсюду деревья, такие высокие, что почти касаются труб и балок на решетчатом потолке. Птицы, десятки птиц пронзительно клекочут, расправляя крылья. Их крики оглушают. Немного страшно. Пытаюсь не вздрогнуть, когда одна из этих гигантских белых птиц пикирует совсем рядом. У нее на лапе ярко-зеленый неоновый браслет. Такой есть у всех.

Какая-то бессмыслица.

Напоминаю себе, что мы в помещении – вокруг белые стены, под ногами бетонный пол, – и со смешанными чувствами поднимаю взгляд на мать.

Впервые вижу, что она так искренне улыбается. В основном она улыбается, когда рядом отец или когда они вместе прячутся в углу, шепчутся там. Но здесь и сейчас есть только я и мама, и туча птиц. Мама счастлива; не буду обращать внимания на то, что у меня странно сосет под ложечкой. Когда у мамы хорошее настроение, мир кажется лучше.

– Да, – вру я. – Они мне нравятся, очень-очень.

– Я так и знала. – Ее глаза вспыхивают. – Эмелина не питала к ним интереса, а ты... ты, милая, всегда привязывалась к вещам. Вы с сестрой совсем разные.

По какой-то причине ее слова меня обижают. Они вроде и не обидные, но звучат именно так.

Хмурюсь.

Я все еще не понимаю, что происходит, а она продолжает...

– Примерно в твоём возрасте я завела себе одну такую, как питомца. В те времена птицы водились повсеместно, от них и избавиться было сложно. – Мама смеется, а я смотрю, как она глядит на летящую птицу. – Возле нашего дома на дереве жила одна, и каждый раз, когда я проходила мимо, она звала меня по имени. Только представь себе! – Мама наконец поворачивается ко мне лицом. – А теперь они почти исчезли. Я не могла этого допустить. Понимаешь?

– Конечно, – вслух произношу я.

Снова ложь. Едва ли я понимаю свою мать.

Она кивает.

– Эти создания особенные, не такие, как все. Они умные. Умеют говорить, танцевать.

И у каждой на голове корона.

Она снова отворачивается, пристально разглядывая птиц так, как рассматривает все то, что связано с работой: радостно.

– Большие желтохохлые какаду создают пару раз и на всю жизнь. Как мы с твоим отцом.

Большие желтохохлые какаду.

Я резко вздрагиваю от неожиданного, теплого прикосновения. Чувствую, как пальцы еле ощутимо пробегают вдоль моего позвоночника.

– Любимая, – слышу я, – все в порядке?

Я молчу, поэтому он придвигается, шуршат простыни, он обнимает меня, и наши тела сливаются в одно целое. Он теплый и сильный; я обретаю полный покой, чувствуя себя в безопасности. Его губы касаются моей кожи, скользят по шее, так умело, что до кончиков пальцев на ногах пробегает электрический разряд; меня бросает то в жар, то в холод.

– Опять повторяется? – шепчет он.

Моя мать родилась в Австралии.

Я знаю, потому что она сама как-то об этом рассказала, а еще потому, что сейчас, несмотря на отчаянные попытки противостоять пробуждающимся воспоминаниям, забыть я не в состоянии. Как-то мама рассказала мне, что эта птичка (большой желтохохлый какаду) родом из Австралии. В девятнадцатом веке их завезли в Новую Зеландию, но Иви, моя мама, ее там не нашла. Она влюбилась в этих птиц еще дома, ребенком, когда одна из них, по ее заверениям, спасла ей жизнь.

Именно эти птицы захватили мои мечты.

Эти птицы, которых держала и кормила сумасшедшая женщина. Меня смущает осознание того, что я цепляюсь за чушь, за поблекшие, искаженные отпечатки старых воспоминаний, неудачно стертых. Я надеялась на большее. Мечтала о большем. В горле комом встало разочарование, холодным комом, который не проглотить.

А затем

снова

я чувствую это

Цепенею от тошноты, которая предваряет видение – резкий удар под дых, значит, будет еще, и еще, так бывает.

Аарон притягивает меня ближе, крепче прижимает к груди.

– Дыши, – шепчет он. – Я здесь, рядом, любовь моя. И буду рядом.

Я цепляюсь за него, зажмурившись, а голова уже плывет. Эти воспоминания подарила мне сестра, Эмелина. Сестра, которую я только-только обнаружила, только-только обрела.

Лишь потому, что она пыталась меня найти.

Несмотря на неустанные попытки моих родителей стереть из наших разумов давнишнее доказательство их зверства и жестокости, Эмелина добила своего. Она воспользовалась своей психокинетической силой и вернула то, что украли из моих воспоминаний. Она поднесла мне дар – дар помнить, – чтобы помочь спасти себя. Спасти *ее*. Остановить наших родителей.

Не дать разрушить мир.

Однако в настоящий момент – ведь я только что чудом избежала смерти – этот дар стал проклятием. Мой разум ежечасно рождается заново. Преобразуется. Воспоминания все прибывают.

И моя погибшая мать отказывается молчать.

– *Птичка моя, – шепчет она, заправляя выбившуюся прядь мне за ухо. – Пришло время улетать.*

– *Но я никуда не хочу. – От страха мой голос дрожит. – Я хочу остаться, с тобой и папой, и Эмmeliной. Не понимаю, зачем мне уезжать.*

– *Тебе и не нужно понимать, – мягко настаивает она.*

Я замираю, мне тревожно.

Мама не кричит. Она никогда не кричала. За всю мою жизнь ни разу не подняла на меня руки, ни разу не повысила голос и не обзвала. В отличие от отца Аарона. Хотя кричать маме и не требуется. Иногда она просто говорит что-то, например «тебе и не нужно понимать», и в ее словах слышится предостережение, пугающая меня категоричность.

Я вот-вот разревусь, слезы, подступая, обжигают глаза, и слышу:

– *Никаких слез. Ты уже большая.*

Из всех сил сдерживаюсь, шмыгаю носом. Руки все равно трясутся.

Мама поднимает взгляд, кивает кому-то позади меня. Я оборачиваюсь как раз вовремя, чтобы заметить Париса, мистера Андерсона. Он ждет с моим чемоданом. В глазах нет ни намека на доброту. Ни капли сердечности. Он отворачивается от меня, смотрит на маму.

– *Макс уже устроился? – вместо приветствия слышу я.*

– *Да, он давно был готов. – Мама рассеянно бросает взгляд на часы. – Но ты же знаешь Макса, – продолжает она с легкой улыбкой. – У него все должно быть идеально.*

– *Только когда дело касается твоих желаний, – замечает мистер Андерсон. – Не встречал еще взрослого мужчину, столь очарованного собственной женой.*

Улыбка мамы становится шире. Она хочет что-то сказать, я перебиваю.

– *Ты про папу? – взволнованно спрашиваю я. – Там будет папа?*

Мама разворачивается ко мне, удивленная, будто забыла, что я стою рядом. А потом снова обращается к мистеру Андерсону:

– *Да, кстати, а как дела у Лейлы?*

– *Прекрасно, – произносит он, однако выглядит раздраженным.*

– *Мам? – Снова угрожающе подступают слезы. – Я буду там с папой?*

Мама меня, кажется, совсем не слушает. Она ведет разговор с мистером Андерсоном.

– *По прибытии Макс все подробно разъяснит, он ответит на большинство вопросов. А если не ответит, то, скорее всего, у тебя нет допуска.*

Мистер Андерсон выглядит раздосадованным, однако молчит. Мама тоже молчит.

Это выше моих сил.

Слезы градом текут по лицу, тело сотрясается от рыданий, дыхание сбивается.

– *Мама? – шепчу я. – Мама, пожалуйста, ска-скажи мне...*

Мама сжимает мне плечо холодной твердой рукой, и я вдруг застываю. Притихнув. Она на меня не смотрит. И не посмотрит напоследок.

– *Этот вопрос ты тоже уладишь, – произносит она. – Уладишь, Парис?*

И тут мистер Андерсон опускает на меня взгляд. Его глаза пронзительно голубые. Пронзительно холодные.

– *Конечно.*

Я резко вспыхиваю. Гнев такой яркий, что он мгновенно вытесняет страх.

Я ненавижу этого человека.

Ненавижу так сильно, что, когда смотрю на него, во мне что-то происходит... и внезапный всплеск эмоций придает мне храбрости.

Я поворачиваюсь к маме.

– Почему Эмелина остается? – задаю я вопрос, сердито вытирая влажную щеку. – Если мне нужно ехать, почему мы не можем хотя бы поехать вме...

Я запинаюсь, когда замечаю ее.

Моя сестра, Эмелина, смотрит на меня из-за прикрытой двери. Она не должна быть здесь. Так мама сказала.

Эмелина должна быть на плавании, у нее урок.

Но она здесь, с ее влажных волос капает на пол, и она смотрит на меня в упор огромными как блюдца глазами. Она пытается что-то сказать, только я не могу уследить за движениями ее губ – слишком быстро. А потом, словно из ниоткуда, вдоль позвоночника пробегает электрический разряд, и я слышу ее голос, звенящий, странный...

Они врут.

ВРУТ.

УБЕЙ ВСЕХ

Я резко открываю глаза и не могу вздохнуть. Грудь сдавило, сердце колотится. Уорнер обнимает меня, шепчет что-то ласковое, успокаивающе поглаживает по руке.

По лицу текут слезы, и я смахиваю их трясущимися руками.

– Бесит, – шепчу я, ужасаясь, как дрожит мой голос. – Как же меня все это бесит. Бесит, что не проходит. Бесит, что оно со мной делает. *Ненавижу!*

Аарон прижимается щекой к моему плечу, его дыхание щекочет кожу.

– Так и меня бесит, – мягко признается он.

Я аккуратно поворачиваюсь в колыбели его объятий и утыкаюсь лбом в голый торс.

Не прошло и двух дней с тех пор, как мы сбежали из Океании. Как я убила свою мать. Как нашла то, что осталось от моей сестры, Эмелины. Всего два дня назад моя жизнь снова перевернулась с ног на голову.

Всего два дня, а мир вокруг нас уже в огне.

Это наша вторая ночь здесь, в Прибежище, месте сосредоточия повстанцев, возглавляемых Нурией – дочерью Касла – и ее женой, Сэм. Считается, что мы в безопасности. Считается, что мы отдохнем и перераспределим свои силы после того ада, что творился несколько недель, однако мое тело не желает успокаиваться. Мозг кипит, его атакуют. Я считала, что наплыв новых воспоминаний в конце концов иссякнет, но в последние сутки ощущаю особенно зверский удар, и, похоже, такие проблемы только у меня.

Эмелина наградила всех нас – всех детей главнокомандующих – воспоминаниями, что украли наши родители. Нам по очереди помогли осознать ту правду, которую глубоко зарыли наши родители, а затем всех вернули к нормальной жизни.

Всех, кроме меня.

Остальные смогли пойти дальше, смириться со своей историей, предать родителей и найти для этого объяснение. Мои мысли, напротив, все время запинаются. Кружатся. С другой стороны, я потеряла намного больше; да и вспомнить мне нужно намного больше. Даже Уорнеру – Аарону – не приходится столь радикально переосмысливать свою жизнь.

Меня это начинает пугать.

Мое прошлое прямо сейчас переписывают, бесчисленные абзацы моей истории вымарывают и наспех правят. Старые и новые картинки – воспоминания – наслаиваются друг на друга, пока струятся чернила, вскрывая события, превращая их во что-то новое, что-то непостижи-

мое. Временами мои мысли словно заменяют будоражащие галлюцинации, их лавина столь беспощадна, что, боюсь, нанесенный ей вред непоправим.

Ведь что-то меняется.

Каждое новое воспоминание крушит меня эмоционально, заново упорядочивает мой мозг. Я ощущаю эту боль короткими вспышками – болезненность, тошнота, дезориентация, – но до сих пор я не хотела копаться в этом слишком глубоко. Не хотела вглядываться слишком пристально. Правда в том, что я не хотела верить собственным страхам. Истинная же правда в том, что я – как проколота шинка. И каждый впрыск воздуха надувает и сдувает меня одновременно.

Я забываю.

– Элла?

Ужас бурлит, выплескивается через распахнутые глаза. Я не сразу вспоминаю, что меня зовут Джульетта Элла. И каждый раз это «не сразу» еще больше затягивается.

Вот-вот начнется истерика...

но я ее гашу.

– Да, – произношу я, с силой заполняя воздухом легкие. – Да.

Уорнер Аарон напрягается.

– Любовь моя, что такое?

– Ничего страшного, – обманываю я.

Сердце колотится, быстро, слишком быстро. Я не знаю, зачем вру. Бесплезная попытка; он чувствует все то же, что и я. Надо просто ему рассказать. Не знаю, почему не рассказываю. Знаю, почему не рассказываю.

Я выжидаю.

Выжидаю, вдруг пройдет, вдруг провалы в моей памяти – всего лишь небольшие сбои в системе, которые можно восстановить. Произнести такое вслух – значит, оживить эти мысли, а время пока не пришло, рано поддаваться этому страху. В конце концов, лишь один день минул с тех пор, как все началось. До меня только вчера дошло: творится что-то поистине неладное.

До меня дошло, потому что я совершила ошибку.

И не одну.

Мы сидели на улице, вглядывались в звезды. Не припоминаю, что когда-либо видела такие звезды – четкие, яркие. Было поздно, так поздно, что из ночи зарождалось утро, а от видов захватывало дух. Я мерзла. Какой-то храбрый ветерок пробрался сквозь раскинувшиеся вокруг заросли, наполнив воздух размеренным гулом. Я объелась тортом. Уорнер пах чем-то сладким, чем-то распутным. И я опьянела от радости.

Я не хочу ждать, сказал он, взяв мою руку. *Сжав ее. Давай не будем ждать.*

Я удивленно моргнула, подняв взгляд. *Чего?*

Чего?

Чего?

Как я могла забыть, что случилось несколько часов назад?

Как я могла забыть ту секунду, когда он попросил выйти за него?

Произошел сбой. Похоже на сбой. Там, где хранились воспоминания, вдруг возникла дыра, полость, которая была свободна, пока ее насильно не заполнили.

Я пришла в себя, вспомнила. Уорнер засмеялся.

Мне же смеяться не хотелось.

Я забыла, как зовут дочь Касла. Я забыла, как мы приземлились в Прибежище. Я забыла, на целых две минуты, как я вообще сбежала из Океании. Впрочем, такие ошибки длились недолго; да, задержки, но вроде как естественного характера. Я ощущала лишь смущение, пока мой мозг отбивал удары, неуверенность, пока вновь всплывали воспоминания, размокшие и невнятные. И решила, что просто устала. Просто перегрузка. Я не понимала, насколько все серьезно, пока, сидя под звездами, не забыла, что обещала провести остаток жизни с этим человеком.

Унижение.

Унижение столь острое, что, испытай я его во всю мощь, сгорела бы дотла. К лицу снова прилила кровь, и мне стало легче от того, что Уорнер не видит в темноте.

Аарон, не Уорнер.

Аарон.

– Даже не знаю, то ли ты боишься, то ли смутилась, – произносит он, потом медленно выдыхает, и этот звук немного похож на смех. – Ты беспокоишься о Кенджи? Об остальных?

Всем сердцем хватаюсь за эту полуправду.

– Конечно, – признаюсь я. – *О Кенджи*. О Джеймсе. Об Адаме.

Кенджи с раннего утра валяется больной в кровати. Я бросаю украдкой взгляд на льющийся из окна косой лунный свет, и до меня доходит, что уже глубоко за полночь, а значит, формально, Кенджи стало плохо еще вчера утром.

В любом случае ситуация пугала нас всех.

Назира накачала Кенджи, пока они летели из Сектора 45 до Океании, не рассчитала с дозировкой, и его развезло. В конце концов он вырубился – близняшки Соня и Сара его обследовали и сказали, что он поправится, – но до того мы узнали, что Андерсон взял под стражу детей Верховных главнокомандующих.

Все, и Адамс, и Джеймс, и Лена, и Валентина, и Николас, они все в плену у Андерсона.

Джеймс тоже у него в плену.

Последние пару дней были кошмарными, просто убийственными. Последние пару недель были кошмарными, просто убийственными.

Хотя на деле – месяцы.

Даже годы.

Порой я не могу припомнить ничего хорошего. Бывает, когда случайно познанное мной счастье кажется диковинным сном. Ошибкой. Гиперреализм и хаос: слишком яркие цвета, слишком громкие звуки.

Плод моего воображения.

Всего несколько дней назад ко мне пришла несущая дары ясность. Несколько дней назад верилось, что худшее позади, что передо мной открыты все возможности мира; что мое тело сильнее, чем когда-либо, а мозг наполнился, стал четче работать и способен на то, что я даже представить себе не могла.

Но сейчас

Сейчас

Сейчас я, похоже, цепляюсь за размытые края душевного равновесия – изворотливого, ненадежного друга, который всегда разбивал мне сердце.

Аарон притягивает меня ближе, и я растворяюсь в нем, чувствуя благодарность за тепло, за крепость его объятий. Я делаю глубокий, неровный вдох и затем полностью расслабляюсь. Я с жадностью вбираю густой, пьянящий запах его кожи, еле уловимый аромат гардений, который почему-то всегда его сопровождает. В идеальном молчании мы слушаем только наше дыхание, проходят секунды.

Сердце хоть и медленно, но успокаивается.

Слезы высыхают. Страхи делают передышку. Ужас рассеивается пролетающей мимо бабочкой, а тоска решает вздремнуть.

На какое-то время есть только я и он, и мы, и все это не запятнано, не тронут тьмой.

Я знаю, что любила Уорнера Аарона задолго до всего происходящего – задолго до того, как нас схватило Оздоровление, до того, как нас разлучили, до того, как мы узнали об общем прошлом, – но то чувство было молодое, незрелое, его глубина была еще не изучена, не испытана. За то короткое мерцающее временное окошко, когда зияющие дыры моей памяти кажутся целиком заполненными, что-то между нами изменилось. Между нами изменилось *все*. Даже теперь, хотя в голове стоит шум и гам, я это чувствую.

Сейчас.

Вот это.

Моя плоть к его плоти. Здесь мой дом.

Я понимаю, что он внезапно напрягся, и отстраняюсь в тревоге. Вокруг кромешная тьма, и я его почти не вижу, лишь чувствую, как по его руке тоненькими струйками побежали мурашки, когда он спрашивает:

– О чем сейчас думаешь?

Я распахиваю глаза, понимание развенчивает тревогу.

– Я думала о тебе.

– Обо мне?

Я сокращаю дистанцию. Утыкаюсь ему в грудь. Он не произносит ни слова; я чувствую, как в тишине мечется его сердце, и в конце концов слышу протяжный выдох. Тяжелый, неровный выдох, словно он очень надолго задерживал дыхание. Как бы я хотела увидеть его лицо. Мы уже давно вместе, но я все еще забываю, насколько остро он чувствует мои эмоции, особенно в таких ситуациях, когда наши тела сплелись друг с другом.

Я нежно провожу рукой вниз по его спине и признаюсь:

– Я размышляла о том, как сильно тебя люблю.

Он замирает на долю секунды. А затем прикасается к моим волосам, медленно разделяя прядку за прядкой.

– Ты почувствовал? – становится интересно мне.

Я снова отстраняюсь, поскольку не слышу ответа. Моргаю в потемках, покуда не различаю блеск его глаз, тень его рта.

– Аарон?

– Да, – отзывается он, и мне кажется, ему не хватает воздуха.

– Да, в смысле почувствовал?

– Да, – повторяет он.

– И на что это было похоже?

Он вздыхает, откидывается на спину. И молчит так долго, что я даже подумываю, а будет ли он вообще отвечать. Затем он нежно говорит:

– Непросто объяснить. Это как удовольствие, но оно так близко к боли, что порой их сложно разделить.

– По-моему, ужасно.

– Нет, почему же, – возражает он. – Скорее изысканно.

– Я люблю тебя.

Резкий вдох. Даже в такой темноте я вижу, как напрягается челюсть, а он сам пялится в потолок.

От удивления я резко сажусь.

Реакция Аарона столь необычна, что я не знаю, почему не замечала этого раньше. Хотя, быть может, это что-то новенькое. Быть может, что-то и правда изменилось между нами. Быть может, раньше я так сильно его и не любила. По крайней мере, это все объяснило бы. Ведь

когда я об этом думаю, когда я думаю о том, насколько сильны мои чувства к нему теперь, после всего, что мы...

Еще один крутой, отрывистый вздох. А затем он смеется, чуть нервно.

– *Ничего себе*, – вырывается у меня.

Он закрывает ладонью глаза.

– Как-то унижительно.

Теперь улыбаюсь я, да я почти хохочу.

– Эй, просто...

Мое тело зажимает в тиски.

По коже прокатывается яростная дрожь, позвоночник перестает гнуться, кости прищиплены на свои места невидимыми булавками, застывший рот открыт в попытке сделать вдох.

Я ничего не вижу из-за накрывшего меня жара.

Я слышу какие-то помехи, гигантские стремнины, бурный поток, злобный ветер. Ничего не чувствую. Ни о чем не думаю. Не существую.

На какую-то ничтожную долю секунды я...

Свободна.

Мои веки трепещут, открываются *закрываются*, открываются *закрываются*, открываются *закрываются*. Я – крыло, пара крыльев, дверь на петлях, пять птиц...

Внутри растет огонь, взрывается.

Элла?

В голове возникает голос, стремительно, с силой вонзается в мозг как острый дротик. Словно со стороны понимаю, что мне безумно больно – челюсть ломит, тело застыло в неестественном положении, – но я не обращаю на это внимания. А голос взывает снова:

Джюльетта?

Осознание бьет точно ножом по коленям. Мой разум заполняют образы сестры: кости и почти растворившаяся кожа, сросшиеся пальцы, разбухший рот, глаз нет. Ее тело плавает в воде, длинные темные волосы словно полчища мурен. Меня пронзает ее странный, обезличенный голос. И без единого слова я спрашиваю:

Эмелина?

Меня захлестывают эмоции, пальцы впиваются в плоть, кожа горит. Она чувствует облегчение, и оно практически материально. Я могу попробовать его на вкус. Ей стало легче, легче от того, что я ее узнала, легче от того, что она нашла меня, легче легче легче...

Что случилось?

Поток образов наводнил мой мозг до самых краев, затопил его полностью, и я тону. Ее воспоминания заглушили мои ощущения, забили легкие. Я задыхаюсь от ворвавшихся в меня чужих чувств. Я вижу Макса, моего отца, безутешного в горе от смерти жены; вижу Верховного главнокомандующего Ибрагима, он в отчаянии, в бешенстве, требует, чтобы Андерсон собрал других детей, пока не стало слишком поздно; вижу Эмелину, всеми ненадолго покинутую: она хватается за эту соломинку...

У меня перехватывает дыхание.

Иви постаралась, чтобы только она с Максом могла контролировать силы Эммелины, и с ее смертью внедренные системы бесперебойной работы внезапно дали сбой. Эммелина поняла, что после смерти матери возникнет реальный шанс, пусть и очень кратковременный – шанс вернуть контроль над собственным разумом, пока Макс переписывает алгоритмы. Однако Иви поработала на славу, да и реакция Макса не заставила ждать. Поэтому Эммелина преуспела лишь отчасти.

Умираю, признается она мне.

Умираю.

Каждая эмоциональная вспышка сестры сопровождается моим мучительным приступом. Плоть саднит. Позвоночник растекся, глаза обожжены и ничего не видят. Я чувствую Эммелину – ее голос, ее чувства, ее видения – намного ярче, чем раньше, ведь и *она* сильнее, чем раньше. Уже то, что она сумела собраться с силами и разыскать меня, доказывает, что она, по крайней мере отчасти, свободна, а ее возможности неограниченны. Последние несколько месяцев Иви с Максом ставили над Эммелиной необдуманные эксперименты, далеко за гранью, пытаюсь сделать ее сильнее, несмотря на то, что тело истощалось. И это, *это* – последствия.

Такой тесный контакт с ней – истинное мучение.

Кажется, я кричала.

Я что, кричала?

Все, что связано с Эммелиной, обостряется до предела; ее присутствие как шторм, от него перехватывает дух, оно оживает посредством моей нервной системы. Звуки и ощущения мелькают в голове, носятся там неистово. Я слышу, как по деревянному полу удирает паучок. Мотыльки устало шуршат по стене крыльями. Вздрагивает, а затем, так и не просыпаясь, вновь устраивается поудобнее мышка. Рассыпаются, влетая в оконное стекло, пылинки, скользит по траве шрапнель.

Не могу зафиксировать взгляд, глаза будто слетели с петель внутри черепной коробки.

На меня давит вес моих волос, конечностей, плоти, в которую я завернута, как в целлофан; такой вот кожаный гроб. И язык, мой язык – дохлая ящерица, примостившаяся во рту, шершавая, грузная. Тоненькие волоски на руках щетинятся и раскачиваются, щетинятся и раскачиваются. Кулаки сжимаются так сильно, что ногти впиваются в нежную плоть ладоней.

Я чувствую на себе чью-то руку. Где? Я нахожусь?

Одиноко, говорит она.

И показывает.

Картинку. Мы снова в той лаборатории, где я впервые ее увидела, где я убила нашу мать. Я вижу себя глазами Эммелины, и это ошеломляет. Она видит лишь расплывчатое пятно, однако чувствует мое присутствие, может разобрать мои очертания, ощутить тепло моего тела. А затем в мой мозг врываются мои слова, мои собственные слова...

*должен быть еще способ
тебе не обязательно умирать
вместе мы справимся
пожалуйста
я хочу вернуть сестру
я хочу, чтобы ты жила
Эммелина*

я не дам тебе здесь умереть

Эмелина

Эмелина

вместе мы справимся

вместе мы справимся

мы справимся

вместе

Холодное, словно металл, чувство зреет у меня в груди. Оно растекается по телу, поднимается по рукам, вгрызается в глотку, бьет под дых. Зубы пульсируют. Боль Эмелины разрывает меня в клочья, потом отступает, цепляется так неистово, что мне не вынести. Ее чувствительность, такая неподдельная, ужасает. Сестра измучена эмоциями, и страстью, и холодом, которые питаются гневом и опустошением.

Она искала меня. Все эти годы.

Последние пару дней Эмелина провела в поисках нужного мира для моего разума, пытаясь разыскать убежище, место, где можно отдохнуть.

Место, где можно умереть.

Эмелина, обращаюсь я. Пожалуйста...

Сестренка.

Что-то в моей голове сдавливается, сжимается. Страх продвигается вперед, буравит внутренние органы. Слышу запах земли и влажных, подгнивающих листьев, чувствую, как звезды глядят на мою кожу и как, словно обеспокоенный родитель, пробивается сквозь темноту ветер. Рот открыт, в него падает мошкара. Я уже на земле.

Где?

Уже не в кровати, доходит до меня, уже не в своей палатке, доходит до меня, уже не в безопасности.

Когда я пошла?

Кто передвигал мне ноги? Кто толкал вперед тело?

Как далеко я очутилась?

Пытаюсь осмотреться, но я ослепла, моя голова застряла в тисках, от шеи остались лишь истертые жилы. В ушах стоит звук моего дыхания, оно резкое и громкое, резкое и громкое, тяжелое тяжелое... пытаюсь вдохнуть... голова

мотается из стороны в сторону

Разжимаю кулаки, пальцы, разгибаясь, скребут ногтями ладони. И я чувствую вкус жаркого, вкусного ветра, слышу грязь.

Я руками упираюсь в нее, грязь во рту, она под ногтями. Понимаю, что кричу во всю мочь. Кто-то меня трогает, а я кричу.

Прекрати, кричу я. Пожалуйста, Эмелина... Пожалуйста, не надо...

Одиноко, говорит она.

о ди но ко

Резкая, жуткая боль...

И меня вытесняет.

Кенджи

Считать это везением весьма странно.

Весьма странно, но в каком-то смысле мне повезло. Повезло, что я стою посреди влажного, замороженного леса, когда солнце еще не удосужилось проснуться. Повезло, что мой ничем не прикрытый торс почти задубел от холода.

Повезло, что со мной Назира.

Здесь, на участке в полмили с нетронутой природой между регулируемыми и нерегулируемыми территориями, мы с ней практически мгновенно стали невидимыми, так что мы пока в безопасности, по крайней мере на время. Прибежище выстроили на нерегулируемой земле недалеко от места, где я сейчас стою; оно мастерски скрыто у всех на виду, исключительно благодаря необычной способности Нурии преломлять свет и манипулировать им. Там, где распространяется зона влияния Нурии, климат приятнее, а погода более предсказуема. Однако вне ее, в дикой природе, ветра свирепы и агрессивны. А температуры опасны.

И все равно... Нам повезло, что мы вообще здесь оказались.

Какое-то время мы с Назирой, вместо того чтобы мирно спать в своих кроватях, неслись наперегонки сквозь мрак, стараясь прикончить друг друга. В конце концов это оказалось замысловатым недоразумением, хотя провидение руку явно приложило: если бы в три часа ночи Назира не прошмыгнула ко мне в комнату и чуть меня не убила, я бы не погнался за ней через весь лес за пределы щитов Прибежища, скрывающих его от чужих глаз и ушей. Если бы мы не зашли так далеко от лагеря, мы бы никогда не услышали криков горожан, визжащих от ужаса. Если бы мы не услышали те крики, мы бы никогда не ринулись искать их источник. И если бы мы не сделали хоть что-то из этого, я бы никогда не увидел, как моя лучшая подруга криком пробивает себе дорогу к рассвету.

Я бы пропустил. Пропустил вот что:

Джей на коленях в холодной грязи, рядом на корточках Уорнер, оба бледные как смерть, а над ними в буквальном смысле выплывают из неба облака. Эти двое устроились прямо у входа в Прибежище, расположившись на девственной лесной полосе, которая служит буфером между лагерем и сердцем ближайшего сектора под номером 241.

Что такое?

При их виде я замер: две сломленные фигуры сплелись, конечности вросли в землю. Я оторопел, затем испугался, затем стал отрицать очевидное, чувства не давали ступить ни шагу, а деревья кренились и кособочились, ветер хлестал по моему телу, жестоко напоминая, что мне так и не выдался шанс натянуть рубашку.

Если бы эта ночь сложилась иначе, возможно, у меня был бы шанс.

Если бы эта ночь сложилась иначе, я мог бы впервые в жизни наслаждаться романтическим рассветом и запоздалым примирением с прекрасной девушкой. Мы с Назирой могли бы поохотиться над тем, как она дала мне пинок под зад и чуть не убила и как я затем в отместку чуть ее не пристрелил. А потом я долго стоял бы под душем, проспал до полудня и сожрал на завтрак порцию весом с себя.

У меня имелся план на день: не заморачиваться.

Требовалось лишь немного времени, чтобы прийти в себя после приключения, едва не стоившего мне жизни. После всего, через что мне пришлось пройти, этот мир мог бы, наконец, дать легкую поблажку. Чтобы перевести дух между несчастьями.

Как бы не так.

Вместо этого я здесь, помирая от обморожения и ужаса, смотрю, как все разваливается на куски. Небо в диком свинге между горизонтальным и вертикальным горизонтами. Воздух

будто прорываюсь. Тонущие в земле деревья. Отбивающие вокруг меня чечетку листья. Я все вижу; стою – вот он я, живой свидетель – и не могу поверить.

И все равно считаю это везением.

Повезло, что я вижу, повезло, что вот-вот блевану, повезло, что пробежал весь путь в своем недолеженном, травмированном теле как раз вовремя, чтобы перед концом света занять местечко в первом ряду.

Везение, судьба, случай, озарение...

Ужасное, тянущее чувство под ложечкой... пусть оно будет хоть фокусом, черт возьми, если оно не даст мне закрыть глаза, чтобы видеть. Разобраться, как помочь.

Потому что больше здесь никого нет.

Никого, только я и Назира, хоть и бред, и быть такого не может. Предполагается, что рядом с Прибежищем постоянно в дозоре охрана, однако часовых нет – никаких признаков подмоги. Солдат из ближайшего сектора тоже нет. Нет даже любопытствующих, истеричных жителей. Никого и ничего.

Мы стоим словно в вакууме, в невидимой плоскости бытия. Я не знаю, как Джей с Уорнером умудрились так далеко зайти и не попасться. Оба выглядят так, словно их протащили по грязи, в буквальном смысле... Как их никто не заметил? И хотя возможно, что Джей начала кричать только сейчас, в моей голове тысяча вопросов без ответа.

Придется им подождать.

Я по привычке хочу бросить взгляд на Назиру, забыв на миг про невидимость. Затем чувствую, как она подходит, берет меня за руку, и облегченно вздыхаю. Она сжимает мои пальцы. Я отвечаю ей тем же и напоминаю себе: *Повезло*.

Повезло, что мы сейчас здесь, потому что будь я в кровати, где мне и следовало находиться, я бы не узнал, что Джей попала в беду. Я бы не услышал, как дрожит голос моего друга, когда она кричит, молит о пощаде. Я бы не увидел изломанные цветные лучи покоренного рассвета – эдакого павлина в центре разворачивающегося ада. Не увидел, как Джей, задыхаясь от рыданий, зажала голову руками. Я бы не почувствовал, как остро пахнет ветер сосной и серой, как от сухости дерет горло, а все тело трясется. Я бы упустил тот момент, когда Джей назвала имя сестры. Не услышал бы, как Джей просит именно *ее*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.